

FORGOTTEN REALMS

НОЧНЫЕ МАЕКИ

Роберт Сальваторе

Роберт Сальваторе

Ночные маски

Серия «Забывтые королевства:
Клерикальный квинтет», книга 3

Скан: Alex Mustaeff, Вычитка: Volo
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157390

Ночные Маски: Максима; 2006

ISBN 5-94955-091-9

Оригинал: Robert A.Salvatore, "Night Masks"

*Перевод:
И. Шейко*

Аннотация

Новый роман Роберта Сальваторе, автора знаменитого «Темного эльфа», о приключениях начинающего волшебника Кэддерли. Впервые на русском языке!

Кэддерли, юный жрец Денира, получает от своего божественного покровителя дар магической Песни, которая звучит в его сердце и подчас пугает неопытного волшебника своим могуществом. Тем временем колдун Абаллистер из Замка Тринити нанимает Ночные Маски – гильдию наемных убийц. В своей борьбе против Библиотеки Назиданий злобный маг не брезгует ничем и не останавливается даже перед убийством собственного сына.

Нелегкие испытания ожидают Кэддерли, но всегда рядом с ним верные друзья-дворфы и возлюбленная Данника. А теперь на его стороне еще и могущественная магия.

Содержание

ЗЛАЯ МУДРОСТЬ	5
ИЗГНАНИЕ ГОБЛИНОВ	16
КРОВАВОЕ ЗОЛОТО	31
ЗАДОЛГО ДО РАССВЕТА	46
СНОВА ДОМОЙ	64
ВОР-ПОПРОШАЙКА	79
ЛАБИРИНТ	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Роберт Энтони Сальваторе

Ночные маски

ЗЛАЯ МУДРОСТЬ

Кэддерли медленно спустился с одиноко стоящей каменной башни. Его путь лежал через поля к растянувшемуся вдоль озера городу Кэррадуну. Осень уже вступила в эти края. Стоящие вдоль дороги деревья, по большей части красные клены, ярко выделялись на фоне неба своими осенними нарядами. Солнце по-летнему пригревало землю, отгоняя прохладный ветер, дующий с близлежащих гор Снежных Хлопьев. Сильные порывы ветра всю дорогу развеивали впереди Кэддерли его голубую шелковую накидку и сгибали широкие поля его голубой шляпы.

Погруженный в раздумья ученик ничего не заметил. Кэддерли с отсутствующим видом откинул с лица золотисто-каштановые волосы и вздрогнул, когда спутанные пряди, непривычно отросшие, неожиданно упали обратно. Он пытался убрать их снова и снова, а затем подоткнул поплотнее под широкие поля шляпы.

Спустя некоторое время на берегах широкого озера Импреск показался город. В его предместьях, за разноцветными заборами, скрывались овечьи пастбища, пшеничные поля и

виноградники. Сам город, как и многие другие города в Королевствах, защищался от частых опасностей внешнего мира стенами, в которой было вырыто множество тайных ходов. Длинный мост соединял Кэррадун с ближайшим островом – частью города, облюбованной преуспевающими купцами и верхушкой городской власти.

Как и всегда, идя этой дорогой, Кэддерли смотрел на город со смешанными и неопределенными чувствами. Хотя детство его прошло в Кэррадуне, он не помнил эту раннюю часть своей жизни. Воспоминания уносили его из укрепленного города к западу, к вздымающимся там горам Снежные Хлопья, к тропкам, карабкающимся высоко на вершину, где располагалась Библиотека Назиданий – оплот знаний, укрытый от всех невзгод.

Там находился настоящий дом Кэддерли. Впрочем, он сознавал, что все теперь изменилось, и чувствовал, что обратно возврата нет. Деньги его не заботили – в башне, которую он недавно покинул, один старый маг щедро заплатил ему за восстановление по памяти утерянной книги, и в ближайшее время молодой ученик мог позволить себе безбедную жизнь.

Но все золото мира не могло ни вернуть ему дом, ни принести облегчения его измученной горем душе.

Кэддерли уже вырос, ему рано стала ясна вся правда этого несовершенного мира, где часто одерживает победу грубая сила. С ним происходили события, которые не мог вместить его разум. Он становился героем-воителем, сам того не же-

лая, – мечта, самое большое, лишь читать о чужих приключениях в книжках. Кэддерли недавно убил человека, участвуя в войне, которая razорила, испоганила и в конечном итоге почти уничтожила священный эльфийский лес. Теперь у него нет ответов – остались одни вопросы.

Кэддерли подумал о своей комнате в «Чешуе дракона», где на маленьком столике лежала открытой Книга Всеобщей Гармонии Денира. Книга эта попала к Кэддерли от Пертилопы, жрицы высшего ранга, – с обещанием, что под тяжелым переплетом молодой волшебник найдет все ответы. Кэддерли, впрочем, сильно в этом сомневался.

Начинающий волшебник сидел на травянистом склоне, оглядывая город и теребя пальцами всклокоченную бородку. Он вновь задумался о своем предназначении в этой лишенной порядка жизни. Потом снял широкополую шляпу и принялся разглядывать фарфоровую брошь на красной ленте, на которой были изображены око и горящая свеча – священные символы Денира, покровителя литературы и искусства.

Кэддерли служил Дениру с тех пор, как себя помнил, хотя никогда по-настоящему не понимал, в чем заключается это служение. Он не чувствовал необходимости посвятить какому-то Покровителю свою жизнь. Избрав судьбу ученого, он всем сердцем верил в могущество знания и творчества – двух самых важных для почитателей Денира предметов.

Только недавно Кэддерли начал чувствовать, что его божество есть нечто большее, нежели просто символ, надуман-

ный образец для подражания. В эльфийском лесу молодой человек ощутил в себе силу, названия которой не знал. С ее помощью он вылечил рану друга, которая иначе оказалась бы смертельной. Молодой книжник получил откровение, погрузившись в историю эльфов, и смог прочувствовать сверхъестественную атмосферу, придающую древнему народу особую неповторимость. Он видел, как душа умершей кобылы покинула искалеченное тело и одиноко побрела прочь. Увидев, как дриада прячется в стволе дуба, он приказал ей появиться, и неуловимое создание подчинилось.

У Кэддерли не осталось сомнений: мощное волшебство охраняет его, наделив ужасающей властью. Его наставники видели в этом магию Денира и считали ее полезной, но в свете того, что он сделал, того, чем он стал, и ужасов, которые ему довелось увидеть, Кэддерли стал сомневаться, что выбрал нужного Покровителя.

Он поднялся с травянистого склона и продолжил свой путь к обнесенному стеной городу – к Книге Всеобщей Гармонии, в «Чешую дракона», где ему оставалось лишь молиться о том, чтобы получить хоть какие-нибудь ответы и найти немного покоя и тишины.

Кэддерли одну за другой листал страницы, взгляд его лихорадочно пытался вобрать в себя как можно больше в те несколько считанных секунд, пока не перевернется следующий лист. Это казалось неосуществимым: волшебник еле сдерживал свое желание читать дальше, его терзала неуто-

лимая жажда знаний.

Он покончил с Книгой Всеобщей Гармонии, работой в добрые две тысячи страниц, в считанные минуты. Озадаченный и перепуганный, Кэддерли захлопнул фолиант и попытался встать из-за маленького стола, решив, что ему, вероятно, надо пройтись. А может быть, найти своего нового друга Бреннана, сына хозяина гостиницы.

Однако книга поманила его снова, не дав встать. С дерзким, но бессильным ворчанием начинающий волшебник опять перелистал ее и начал безумное погружение заново. Пожелтевшие листы бумаги мелькали с бешеной скоростью. Кэддерли не успевал прочитать больше одного слова на странице. Наконец Песнь книги – тайный смысл, стоящий за простыми словами, – ясно зазвенела в его голове. Это выглядело, как если бы все тайны Вселенной слились в сладкую печальную музыку, мелодию жизни и смерти, спасения и проклятия, бренности плоти и бессмертия души.

Он ясно различал голоса – древние ритмы и благоговейные тоны, – поющие в глубочайших закоулках сознания, но не сумел бы выделить оттуда слова, подобные записанным на страницах. Кэддерли мог видеть их лишь слитыми воедино, мог считывать подлинные значения, а не видимые начертания.

Жрец чувствовал, что силы его иссякают по мере того, как он погружается в чтение. Его глаза болели, но он не мог закрыть их. Границы его сознания расширялись, нераз-

решимые тайны мироздания открывались ему, и полученные ответы образовывали стройную систему. Перескакивая со страницы на страницу, Кэддерли думал о том, сойдет ли он, в конце концов, с ума или до того непосильная работа раздавит его.

Неожиданное воспоминание, наконец, придало ему силы захлопнуть том и отшвырнуть в сторону. Несколько служителей Денира высокого ранга нашли в Библиотеке умершими – над этой самой книгой. Все они умерли, казалось, естественной смертью – усопшие годились Кэддерли в деды, – но озарение открыло ему нечто другое.

Перед смертью они попытались услышать Песнь Денира, мелодию тайн Вселенной, но не обладали достаточной силой, чтобы справиться с воздействием этой странной, чарующей музыки. Она отняла у старцев разум и души, слив их воедино с прочими тайнами мироздания.

Кэддерли нахмурился, неодобрительно глядя на черную обложку книги. Уж не злым ли силам служит она? Это не так, напомнил себе волшебник, и, прежде чем страхи снова начали одолевать его, он открыл книгу на первой странице и продолжил свою опасную работу.

Печаль поразила его. Откровения, отпирающие все двери, пытались вместиться в переполненной знанием голове.

Постепенно глаза Кэддерли стали слипаться от усталости, но по-прежнему звучала Песнь, музыка небесных сфер, расцвета и заката – и всех тайн мира, что неизменно возникают

меж ними. Она не стихала, эта бесконечная Песнь, и Кэддерли чувствовал, что растворяется в ней, становясь лишь нотой, мелькнувшей среди бесчисленного множества проносящихся звуков. Дальше и дальше...

– Кэддерли! – Призыв пришел откуда-то издалека, будто из соседнего мира. Волшебник почувствовал, как холодные руки треплют его за плечо, а затем мягко отворачивают от книги. Он открыл сонные глаза и увидел Бреннана – точнее, его кудрявые черные космы и сияющее лицо. – Как ты? С тобой все в порядке?

Волшебник нашел в себе силы кивнуть и протер заспанные глаза. Он выпрямился в кресле, почувствовав дюжину покалываний по всему затекшему телу. Долго ли он проспал?

Он видел не просто сон, осознал вдруг молодой волшебник с нарастающим ужасом. Усталость, внезапно настигшая его, казалась слишком глубокой. Неужели он исцелился обычным сном? Но если не сном, то чем? Он чувствовал себя так, как будто вернулся из странного путешествия.

– Чем это ты зачитался? – спросил Бреннан, заглядывая ему за спину, чтобы посмотреть на открытую книгу.

Эти слова отвлекли Кэддерли от его размышлений. Сильно испугавшись, он захлопнул черный том и отодвинул его в сторону.

– Не смотри туда! – строго воскликнул он. Бреннан выглядел растерянно.

– Я... я прошу прощения, – сказал он, смущенно потупив зеленые глаза. – Ты меня не так понял...

– Нет, – перебил Кэддерли, пытаясь ободряюще улыбнуться. Он вовсе не хотел задеть подростка, заботившегося о нем все несколько последних недель. – Ты не сделал ничего плохого. Но обещай мне никогда не заглядывать в эту книгу. Настанет время, и я сам тебе ее покажу.

Бреннан отступил на шаг от стола, глядя на закрытый том с нескрываемым ужасом.

– Она волшебная, – пояснил Кэддерли, – и может причинить вред тому, кто не умеет правильно с ней обращаться. Я вовсе не сержусь. Ты просто меня напугал.

Бреннан слегка кивнул, не до конца преодолев испуг.

– Я принес тебе еду, – объяснил он, показывая на узелок, лежащий на ночном столике Кэддерли около узкой кровати.

При виде узелка молодой жрец улыбнулся. Преданный Бреннан! Когда Кэддерли только поселился здесь, в «Чешуе дракона», он желал лишь одиночества – и договорился с Фредегаром Торопыгой, хозяином гостиницы, чтобы его еду оставляли за дверью комнаты. Порядок этот вскоре изменился, так как Кэддерли сошелся с Бреннаном и привязался к нему. Теперь парнишке дозволялось свободно входить в комнату жреца и лично доставлять тарелки с едой, которой всегда было больше, чем положено. Волшебник, несмотря на охватившее его ледяное равнодушие и упрямство, с которым он избегал общения, – последствия ужасов войны в Шилми-

сте, – вскоре обнаружил, что не может устоять перед ничуть не обременительным приятельством.

Кэддерли внимательно рассмотрел тарелку с ужином. Он заметил на полу несколько светлых бисквитных крошек. И несколько штук потемнее – от обеденного хлеба, догадался волшебник. Занавески на крохотном окне кто-то поднял и опустил; фитиль в лампе прикручивали, а затем зажгли снова.

– Ты что, не смог разбудить меня в три предыдущих захода? – спросил волшебник.

Бреннан опешил, недоумевая, как Кэддерли вычислил, что он заходит в эту комнату уже четвертый раз.

– Три захода? – переспросил он.

– Чтобы принести мне сначала завтрак, потом обед, – сказал жрец и помедлил, ощутив, что знать этого он вроде не должен. – Затем еще раз, чтобы проведать меня, когда ты вновь зажег лампу и опустил занавески.

Кэддерли посмотрел на Бреннана и опять удивился, даже почти испугался. Но до него тут же дошло, что тени, танцующие на плечах паренька – прозрачные бестелесные девушки в облегающих платьях, – созданы самим Бреннаном, порождены его же сознанием.

Кэддерли отвернулся и зажмурил глаза. Что все это значит? Он снова слышал музыку, на сей раз в отдалении. Мелодия теперь звучала необычно: одни и те же фразы повторялись снова и снова. Но маг по-прежнему не мог выделить

из них слов, кроме одного – «аврора».

– Ты в порядке? – опять спросил Бреннан. Волшебник кивнул и повернулся к юноше, теперь танцующие тени уже не так испугали его.

– Вполне, – ответил он искренне. – Кажется, я задерживаю тебя? Ты ведь спешишь?

Глаза Бреннана расширились от любопытства.

– Не пей слишком много, когда придешь в «Жадный альков». Поверь моему опыту, это опасно, – предупредил Кэддерли, имея в виду одно заведение, пользующееся недоброй славой у горожан. Оно находилось в конце Озерной улицы, в восточном конце Кэррадуна, около того места, где из озера Импреск вытекала река Шелэйн.

– Кстати, неужто парень твоих лет сможет проникнуть туда?

– Если очень надо, то... – замешкался Бреннан, и его прыщавое лицо запылало ярким румянцем.

Кэддерли подмигнул ему, широко улыбаясь. Танцующие тени на плече паренька рассыпались мелкими черными точками. Судя по всему, жрец своими догадками задел чувствительные струны в душе подростка. Но это не страшно, понял волшебник: пока Бреннан шел к двери, тени возникли снова.

– Ты ведь не скажешь отцу? – умоляюще спросил Бреннан.

Молодой человек помахал ему рукой, с трудом удерживаясь, чтобы не взорваться от смеха. Сбитый с толку Бреннан

колебался. Но тут же вздохнул с облегчением, вспомнив, что Кэддерли – его друг. Улыбка вернулась на лицо подростка, и танцующие девы снова нашли приют на его плече. Бреннан щелкнул пальцами и, подпрыгнув, выскочил из комнаты.

Пристальный взгляд жреца не отрывался от закрытой двери. Крохи еды на полу, поведавшие так много, все так же лежали возле ночного столика. Любые загадки казались ему легко разрешимыми – и относительно того, что происходило в комнате, пока он спал, и касательно планов Бреннана провести ночь «по-взрослому». Все выглядело ясным и понятным, как никогда.

– Аврора? – прошептал он, пытаясь доискаться до смысла. – Богиня зари? Рассвет? – гадал он, медленно покачивая головой.

Какое отношение имела зоря, утренняя или вечерняя, к силуэтам танцующих дев? Волшебник снова посмотрел в книгу. Может, там найдется ответ?

Он заставил себя поесть, помня, что нужно поддерживать силы: впереди долгие часы работы. Затем, утолив голод тела и не в силах противостоять жаждущей знаний душе, Кэддерли снова нырнул в Книгу Всеобщей Гармонии. Страницы зашелестели, и Песнь полилась дальше.

ИЗГНАНИЕ ГОБЛИНОВ

Даника сдула прядь волос цвета соломы с необычных миндалевидных глаз, настойчиво вглядываясь в лесную тропу в поисках приближающегося врага. Она быстро передвигалась, в совершенстве держа равновесие, прекрасно владея своим легким телом. Все предвещало хорошую встряску, и мускулы Даники напряглись от нервного ожидания.

– Дворфы на местах? – спросил Элберет, новый король эльфов Шилмисты.

Его странные, почти пугающие, серебристые глаза глядели больше на деревья, стоящие вдоль тропинки, чем на проход между ними. Вот и еще два эльфа – златовласая дева и воин с черными волосами, столь же гладкими, как у Элберета, – пришли, чтобы присоединиться к друзьям.

– Я надеюсь, что дворфы не запоздают, – заверила Даника короля эльфов, – Айвен и Пайкел никогда нас не подводили. Они хорошо справляются с этой работой.

Три эльфа кивнули, Элберет не мог сдержать улыбку. Он вспомнил, что впервые повстречал неотесанных дворфов, когда Айвен, один из братьев, вызволил его, раненого и беспомощного, из лап врага. Эльфу тогда и в голову не пришло, что спустя совсем немного времени он станет безоговорочно доверять двоим бородачам.

– Дриада вернулась, – сообщил Элберету черноволосый

эльфийский маг Тинтагель.

Он взглядом указал королю на ближайшее дерево, где на фоне ствола промелькнуло зеленоволосое создание с напоминающей кору кожей. Так Элберет сумел увидеть Хаммадин, неуловимую фею леса.

– Она несет весть о скором приходе врага, – заметила Шейли. Воинственный тон ее голоса и внезапная искра, промелькнувшая в глазах цвета фиалки, напомнили Данике о том, как отчаянно отважна в бою эта дева. Даника видела, как Шейли забавляется одновременно с мечом и арбалетом, и ей пришлось согласиться со словами Айвена Валуноплечего, считавшего большой удачей, что Шейли выступает на их стороне.

Тинтагель попросил препроводить его к остальным собравшимся. Эти два отряда соратников Элберета включали в себя почти половину эльфов, населявших Шилмисту. Маг сориентировался на местности и начал распределять бойцов по обе стороны дороги, стараясь поставить на выигрышные позиции тех, кто был силен в рукопашном бою, и тех, кто лучше справлялся с большими луками. Определив место Даники на своей стороне, он забормотал заклинания, прохаживаясь вдоль эльфийских шеренг, при этом он прищлепывал потрескавшимися губами и надувал шелушащиеся от ветра щеки.

Дочитав заклинание, Тинтагель встал на отведенное ему место. Даника заняла свою любимую боевую позицию впе-

реди него; на мага и охраняющих его воинов брызнули комья земли. Вскоре все завершилось, и там, где когда-то стояли Даника и четыре десятка ее соратников, теперь возвышались ряды ничем не привлекающих внимание берез.

Воительница, в новом обличье, оглядела окрестный лес, который теперь казался ей расплывчатым и туманным, будто она не исходила его вдоль и поперек, а только что увидала во сне. Даника сосредоточила внимание на тропинке, зная, что они с Тинтагелем должны во всеоружии встретить любого, кого найдет на них таинственный лес. Они должны покинуть обличье, наведенное заклинанием, как только Айвен и Пайкел пойдут в атаку.

Ей стало интересно, как она выглядит нынче в облике дерева. Даника ощутила – как и всегда, когда Тинтагель применял эти чары, – что она совсем не прочь провести немного времени в таком виде. Насладиться тишиной, рассматривая лес вокруг себя, чувствуя его силу в своих ногах, обратившихся в корни. Но вместо этого ей предстояло убивать.

– О-о-о – вскричал Пайкел Валуноплечий при виде устроенного Тинтагелем спектакля.

Это был коренастый дворф с зеленой бородой, разделенной надвое, заправленной за уши и спускающейся по спине к ремешкам сандалий. Увиденное так захватило его, что Пайкел чуть не выпал из своеобразного гнезда, служившего ему наблюдательным пунктом.

– Поосторожнее! – предостерегающе прошептал его брат

Айвен, сидящий в таком же сооружении с другой стороны тропы.

Дворф явно не одобрял чрезмерного любопытства Пайке-ла. Он заткнул рыжую бороду за широкий пояс и, поерзав твердыми, как у всех дворфов, ягодицами, постарался сесть поудобнее в слишком маленьком для него гнездышке. Свой шлем, украшенный рогами оленя, он нахлобучил на голову. В руке дворф сжимал палицу, сделанную из внушительного сухого бревна. Тяжелый канат, обвязанный вокруг его талии, спускался с нависшей над тропой ветви дерева.

Рыжеволосый дворф наконец приноровился к высокому сиденью, предвкушая забавное зрелище. В отличие от других воинов, Айвен наотрез отказался стать деревом, несмотря на бурное негодование его брата, мечтающего стать друидом. Под конец дворф пошел на попятную, попросив Тинтагеля прочесть для него особое, столь же могучее заклинание, но эльфийский маг не внял его уговорам, объяснив отказ неумением обращать людей в скалы.

Пайкел устроился гораздо удобнее брата. Он был вполне удовлетворен своим наблюдательным пунктом и сидел, сжимая в руках дубинку из ствола дерева. У этого дворфа вокруг тела также была веревка – другой конец той, которой обвязался брат. Впрочем, то, что Пайкел чувствовал себя удобно, не уменьшало его волнения, вызванного горячим желанием слиться с эльфами, став деревом в лесу Шилмисты.

Неуклюжий гоблин, ковыляющий по тропинке, послужил

дворфам сигналом о приближении врага.

– Отбивные, – прошептал Айвен с широкой улыбкой, стараясь подбодрить брата.

Айвен не хотел, чтобы Пайкел пал духом в эту ответственную минуту. Братья внутренне напряглись, готовясь к схватке. Вскоре вражья ватага прошла прямо под ними: тяжело-вооруженные уродливые гоблины мешались в ней со свинорылыми орками и орогами побольше. Айвен едва сдержался, чтобы не плюнуть на потные лысины, но он напомнил себе, что повеселится гораздо сильнее, если они с братом чуть дольше продержатся на местах.

Затем точь-в-точь как предупреждала их дриада Хаммадин, показался великан, медленно передвигающийся по тропе, настороженно принюхиваясь к деревьям вокруг. По словам дриады, взорам дворфов предстал последний в Шилмисте великан. Задиристый Айвен вовсе не намеревался позволить злобному созданию укувылять назад в свое горное логово.

– Свиные отбивные, – снова прошептал рыжебородый дворф. Это прозвище братья придумали вместе, и Айвен знал, что вскоре великан полностью оправдает его, больше чем кто-либо из нечисти. Огромная голова подплыла совсем близко.

Один из гоблинов внезапно остановился, нюхая воздух, – увы, слишком поздно.

Айвен и Пайкел, балансируя палицами, кивнули друг дру-

гу и дернули за нужные ветки, чтобы опуститься над тропой. Канат сработал безотказно, и мерзкий великан оказался меж ними. Его жирное туловище открылось для удара, прекрасной мишенью была огромная морщинистая голова.

Пайкел на долю секунды отстал от брата, но, тем не менее, их тяжелые дубинки обрушились на голову великана с чудовищной силой. Айвен мгновенно отбросил окровавленную палицу и вытащил вместо нее свой любимый обоюдоострый топор. Внизу на тропе враги поменьше устроили свалку: толкаясь и пихаясь от ужаса, они втаптывали друг друга в грязь и разбегались в разные стороны. Их полчища и так сильно поредели за последний месяц и гоблины поняли, что встреча с дворфами ничего хорошего им не сулит.

Маг Тинтагель пробормотал расколдовывающие слова. Даника и сорок эльфов сзади нее приняли свое подлинное обличье и вступили в бой, натянув тетивы луков и сверкая высоко поднятыми мечами. Оглушенный великан поднялся, но на ногах держался с трудом. Он шатался как пьяный, так что Айвен и Пайкел, висая над лесной тропой примерно в двадцати футах, азартно приступили к своей нелегкой работе.

Топор Айвена отрубил ухо, дубинка Пайкела размазала нос великана по всей щеке. Снова и снова били они по чудовищу. Дворфы знали, что весьма уязвимы в таком положении: великану достаточно одного удара, чтобы отбросить кого-то из них на половину расстояния от леса до Библиотеки Назиданий. Но братья отогнали от себя столь грустные мыс-

ли – они увлеченно дрались, испытывая ни с чем не сравнимое удовольствие.

Вторя их ударам, зажужжали эльфийские луки, глубоко всаживающие стрелу за стрелой в гоблинскую, орочью и орогскую плоть. Враги умирали без счета, крича в предсмертном ужасе. Безжалостные эльфы настигали их, сжимая в руках мечи, кромсая отвратительные тела незваных гостей – чудовищ, посмевших оскорбить своим появлением эльфийскую святыню.

Один из отрядов чудовищ смог улизнуть между деревьев. Даника, криком предупредив Тинтагеля, устремилась в погоню, взметнув свои окровавленные кинжалы – один с золотой рукояткой в форме головы тигра и другой – с серебряной, в форме дракона.

Камень, выпущенный из пращи Пайкела, врезался в голову противника с такой силой, что дворфы услышали хруст ломающихся позвонков. Монстр потерял равновесие, приняв изумленный и озадаченный вид, и испустил дух. Он покачнулся на толстых мохнатых лапах и стал тяжело заваливаться, как подрубленный баобаб. Айвен быстро освободил дорогу перед падающим чудовищем.

– Сразу двое!

Просвистела правда, и тело великана, рухнув, погребло под собой сразу двоих гоблинов.

– Ты должен мне кусок золота! – прорычал Айвен, и его брат счастливо кивнул, горя желанием поскорей расплатить-

ся. – Поддадим жару? – спросил рыжебородый дворф.

– Эгей! – с воодушевлением ответил Пайкел. Не предупредив родича, он схватил ближайшую ветку и быстро обмотался канатом, ослабляя конец, ведущий к брату.

Айвен вытаращил глаза; но неизбежные проклятия, градом посыпавшиеся на брата, замерли на его губах, пока он пытался спланировать над тропой. Как и ожидал Пайкел, падающий Айвен сделал лепешку из шедшего под ним гоблина. Рыжебородый дворф вскочил на ноги, осыпая врага проклятиями и грязью. Вдобавок он опустил тяжелый топор на спину пораженного гоблина, прекратив его стоны, и посмотрел вверх на брата, старавшегося устроиться на дереве поудобнее. Пайкел сверху добродушно глядел на него и улыбался.

– Опа, – сказал он, и Айвен так же точно повторил это слово, обнаружив полное сходство с братом.

Два дворфа с полуслова понимали друг друга.

– Когда ты спустишься... – начал он поучать родича, но тут вокруг уязвимого дворфа внезапно собрались гоблины.

Айвен обрадовался и приготовился к бою, забыв обо всех обидах на Пайкела. В конце концов, стоило ли досадовать на того, кто вверг его в самое пекло такого веселого приключения?

Гоблин, возглавлявший ватагу пришельцев, прокрался через густой подлесок, поняв, что стоящую впереди заставу ему не преодолеть. Чудовище приняло хивалось к следам на утоптанной местности, то чувствуя преследователей, то от-

рываясь от них. На минуту оно ощутило себя свободным. Не успев подумать, куда бы рвануть, распорядившись долгожданной свободой, гоблин вдруг снова учуял погоню, которая неумолимо приближалась. Он метался из стороны в сторону, прижав уши, пытаясь зарыться в землю, — пока не увидел женщину, мчавшуюся прямо к нему со зловещей улыбкой на лице.

Даника потрясала кулаком, угрожая расправой, и изрыгала проклятия, нагоняя страх на и без того напуганного врага. В мгновение ока нагнав гоблина, она оседлала его. Ее свободная рука зажала глотку, не давая дышать, а другая, сжимавшая кинжал с золотой рукоятью, с яростным упорством кромсала вонючее мясо. Даника редко довольствовалась одним трупом.

Охваченная яростью девушка с трудом оторвалась от поверженного врага, открыто встретив лицом к лицу его пораженных сородичей. Гоблины размахивали руками, вызывая других на подмогу из-за соседних деревьев. Ватага уставилась на Данику с любопытством и недоверчиво осматривалась по сторонам, не зная точно, как поступить с этой воительницей. Откуда она взялась и точно ли пришла в одиночестве? Ни один листок на кустах не всколыхнулся поблизости, хотя далеко за спиной Даники по-прежнему кипел бой.

Убедившись, что соратники женщины далеко позади, злобный орог призвал к расплате, желая хоть одной смертью отплатить тем, кто принес его племени гибель. Ватага

монстров с трех сторон через кусты и заросли медленно кра-
лась к Данике, стараясь соблюдать осторожность и тишину
на каждом шагу.

Но тут с ветвей над головой воительницы спрыгнул сам
Элберет. Блестящий меч и сияющие доспехи свидетельство-
вали о его высоком положении среди эльфов. Некоторые из
уродцев бросились врассыпную, а остальные остановились, с
любопытством глядя попеременно то на женщину с эльфом,
то на своих не слишком смелых соплеменников.

Из-за дерева, находившегося на небольшом расстоянии,
появилась эльфийская дева Шейли. Ее лук немедленно
включился в работу, добив неприятеля, опрометчиво подо-
шедшего слишком близко к Данике и королю. Ороги криком
возвестили об отступлении, следом за ними приготовились
бежать главари гоблинов. Однако Элберет и Даника броси-
лись наперерез врагу. Они настигали отстающих гоблинов в
яростном пылу схватки, в то время как Шейли расходовала
на орогов содержимое своего колчана.

Чудовища, не присоединившиеся к поспешному бегству,
попытались спастись, мчась в подлесок и разросшиеся ку-
сты. Стена густого тумана внезапно преградила им путь. Ис-
пуганные гоблины сбились в кучу. Ороги справа подгоняли
их, зная, что остановка в такую минуту равнозначна смерти.
В спину одного орога вдруг впилась стрела, мгновением поз-
же к ней прибавилась еще одна. От ужаса два орога, шедших
позади гоблина, толкнули его прямо в туман.

Наблюдая за этим с вершины холма, Тинтагель быстро пробормотал еще одно заклинание, направив свои чары через подлесок и заросли туда, где продолжалось сражение. Его дымовая завеса не причиняла вреда, но крики агонии, которые начали раздаваться оттуда, заставили колеблющихся врагов думать иначе.

Три стрелы сбили с ног второго из орогов. Оставшиеся враги беспомощно вскрикивали, пытаясь спастись с помощью его огромного ятагана. Жалкая кучка неприятелей воинственно взмахнула слишком тяжелым для них оружием, надеясь прорубить себе дорогу в дыму... Но наткнулась вместо этого на Элберета с его мечом.

– Это напоминает деньки, когда мы впервые очутились здесь! – крикнул Айвен Пайкелу, который наконец-то спустился с высокого дерева, чтобы присоединиться к брату.

Находясь далеко от эльфов и оглядывая множество чудовищ между собой и союзниками, Айвен чувствовал себя неуверенно. Пока что дворф умудрился избежать сколько-нибудь серьезного ранения, поскольку гоблины думали скорее о спасении своей шкуры, нежели об отпоре.

К тому же даже до самых тупых гоблинов вскоре дошло, что любой, кто попадает под свирепый топор Айвена, не задерживается долго на этом свете. Теперь, плечом к плечу, братья-дворфы выигрывали еще одну битву, оставаясь в живых для новых подвигов. Они в считанные минуты разбили наголову ближайших к ним гоблинов, а затем, раскидав

мертвые тела, расчистили себе место, чтобы заняться следующим отрядом уродцев.

Эльфы тоже не отставали. Их воины, орудуя мечами, подавали чудовищам жару всеми известными способами, а лучники, подойдя на короткое расстояние, добивали тех, кто отстал или сбился с пути. Уродцы поняли, что бежать им некуда. Их большая часть полегла, и только жалкая кучка еще оставалась на ногах, продолжая сражаться. Сознание этого с каждой новой секундой вселяло в эльфов еще большую уверенность в себе.

Тинтагель видел, как первый из гоблинов, решивший пройти сквозь стену тумана, вышел с той стороны невредимым. Эльфийский маг решил добавить к первоначальному замыслу еще одно колдовство. Его роль в этом сражении заключалась в том, чтобы отрезать уродам путь к бегству, дав Элберету, Шейли и Данике покончить с ними раз и навсегда. Он достал из сумки сушеные груши и бросил на землю; они образовали линию, перпендикулярную завесе из дыма. Прочитав нужное заклинание, маг возвел еще одну стену, чтобы загнать орков в ловушку.

Даника настигала противника там, куда не могли попасть стрелы Шейли. Она метко бросала дротики в ближайших врагов, убивая вопящих от боли гоблинов одного за другим. Девушка носилась по полю битвы с яростью, которой врагам было нечего противопоставить.

Недобитые ороги, отличающиеся неуклюжестью, не мог-

ли соперничать со смекалкой опытной воительницы. Монстр отразил ее первый выпад, словно проверяя, как она владеет кинжалом, а затем подло поменял тактику и бросил в нее камень из пращи. Элберет легко отбил этот удар и прикрыл таким образом Данику, получившую возможность воткнуть прекрасное оружие в хрустнувшее тело врага. Чудовище заморгало, словно пытаясь прочистить глаза, которые подводили владельца. Элберет не стал ждать, чем это закончится. Мощным щитом, принадлежащим еще недавно его отцу, он запустил в голову орога. Монстр тяжело осел, и остро заточенные звездочки, символы Шилмисты, раскромсали всю его свиноподобную морду.

Шейли, теперь уже с мечом в руке, подобралась ближе к королю эльфов, вместе они прорубали себе дорогу сквозь ряды неприятелей. Не видя другого выхода, весьма потерявшие в численности гоблины предприняли новое нападение. Трое из них окружили Данику, злобно поигрывая коротенькими мечами. Они не могли противостоять ее стремительным выпадам и ударам и, зная это, держались на почтительном расстоянии.

Даника выжидала. Одна отчаявшаяся тварь сделала неверное движение, описав мечом бесполезную дугу. Раньше, чем гоблин смог обрести равновесие после этого выпада, Даника врезала ему ногой под подбородок и яростно ударила каблуком в морду, расплющив сопящий нос. Враг быстро укатился в кусты.

Второе чудовище бросилось на незащищенную спину воительницы. Но тут волшебные молнии ударили с близлежащего дерева, опаливая его спину и шею. Уродец вскрикнул и схватился за рану. Пользуясь этим, Даника, всегда сохранявшая равновесие, описала полукруг в воздухе, высоко размахнувшись ногой, и одним ударом свернула гоблину шею. С лицом, смотрящим куда-то за спину, незадачливый враг присоединился к лежащему в кустах товарищу.

Даника успела благодарно кивнуть Тинтагелю, встречая нападение нового гоблина, на сей раз долговязого. Ее руки и ноги с бешеной скоростью замелькали в разные стороны, меткими ударами разрушая и без того слабую защиту этого жалкого существа. Одним пинком она отбросила его меч, и раньше, чем уродец кликнул подмогу, цепкие пальцы Даники впились в глотку врага, вытряхнув из содрогающегося тела жалкую душу.

Внезапно все кончилось, ни одного противника не осталось поблизости. Четверо усталых друзей, трое из которых были с ног до головы забрызганы кровью врага, завершили свою тяжелую, но необходимую работу.

– Знаешь что? – сказал Айвен, когда Элберет и прочие эльфы собрались вместе. – Это становится слишком легким.

При этих словах дворф ухватился обеими руками за ручку топора, застрявшего в спине здорового гоблина. Упершись ногой в окровавленную голову, поднатужившись и крича, воин наконец-то высвободил глубоко завязшее лез-

вие.

– Первое сражение за неделю, – продолжил Айвен. – При чем эти сопляки только и думали, как бы утечь, а не дрались, как положено.

Элберет не мог не согласиться с наблюдениями дворфа, но его совсем не огорчало поведение неприятелей.

– Если нам повезет, пройдет еще неделя, прежде чем мы вяжемся в новую битву, – ответил он.

Дивен хмыкнул и воткнул топор в землю, чтобы очистить лезвие от запекшейся крови. Когда Элберет скрылся из виду, он толкнул брата локтем и пробормотал:

– Только эльф мог сказать такое!

КРОВАВОЕ ЗОЛОТО

– Что ж, продолжайте сидеть! И ждите, пока все наши мечты – дар самой Талоны – разобьются вдребезги!

Дориген Кел Ламонт, вторая по могуществу чародейка в Замке Тринити, откинулась в кресле, удивляясь несвойственному ей волнению. Она старательно отводила взгляд янтарно-желтых глаз от Абаллистера, своего грозного наставника. Впрочем, главный колдун, замкнутый и неискренний, казалось, вовсе не обижался на это.

Он поудобнее устроился в кресле. Его иссушенное старостью лицо хранило угрюмое выражение, которое несколько смягчилось, когда маг принялся барабанить крючковатыми пальцами по столу перед собой.

– Что значит «вдребезги»? – переспросил он, когда чародейка уже явно занервничала от затянувшегося молчания. – Даже если Шилмиста еще не отвоевана эльфами, это неизбежно случится, – признал он. – Но вряд ли стоит доверять донесениям наших лазутчиков, описывающих численность эльфов. На защиту целого леса они выставили меньше ста воинов...

– Зато мы потеряли больше тысячи! – перебила его ехидная Дориген. – Я уже молчу, что на самом деле мы потеряли гораздо больше. Ведь вы не считали тех трусов, которые от испуга бросили без охраны наши исконные земли и заби-

лись, поджав хвост, в свои норы в горах.

– Но мы можем снова призвать их оттуда, – заверил ее Абаллистер, – когда наступит подходящее время.

Дориген вскипела от злости, но не подала виду, а лишь потеревшила кончик своего изуродованного носа и отвернулась. Подрагивая искалеченными руками, чародейка чувствовала себя крайне неуютно и с непредсказуемым магом Абаллистером и с выскочкой Бойго Ратом, оказавшись с ними в маленькой комнате. Еще больше действовал ей на нервы вертевшийся под ногами писклявый Друзил, ручной демон главного мага. Но это все неизбежные трудности, когда работаешь с этими безумными мужчинами, напомнила себе Дориген. На сердце у нее скребли кошки. Колдунья с ужасом ожидала мгновения, когда ее наставник решит, что она ему больше не нужна.

– В нашем непосредственном распоряжении все еще остается добрых три тысячи воинов, – продолжал Абаллистер. – Правда, большинство из них обычные теплокровные существа. Ожившие мертвецы и духи дерутся лучше. Зато мохнатые гоблиныта вернутся под наши знамена сразу, как мы почувствуем в них нужду. Скорее всего, это случится весной, когда сама природа располагает к вторжению. Сколько воинов нам понадобится? – спросил он после паузы, обращаясь скорее к Бойго, нежели к Дориген. – От прежней Шилмисты осталось одно название, а Библиотеке Назиданий нанесены серьезные повреждения. Так что остается разобраться лишь

с Кэррадуном.

Тон, каким Абаллистер произнес эти слова, не оставлял сомнений в том, что за судьбу предуготовил колдун маленькому сообществу крестьян и рыбаков, приютившемуся на берегу озера Импреск.

– Не буду отрицать, – возразила на это Дориген, – что Библиотеке нанесен некоторый урон. Но подлинный масштаб повреждений нам неизвестен. Как я понимаю, с Шилмистой мы уже разобрались? Не слишком ли быстро мы успели оправиться от недавнего полного разгрома?

– Я позволю себе напомнить, что ответственность за этот разгром лежит в основном на вас, уважаемая колдунья. – При этих словах старший маг зарычал, и взгляд его темных глаз пробуравил Дориген насквозь. – Ведь это именно вы оставляли лес в самые ответственные моменты сражения!

Увидев, что она примолкла, Абаллистер поерзал в своем кресле и успокоился.

– Я сочувствую вашей боли, – сказал он миролюбиво, – ведь вы потеряли Тайнека. Это было жестоким ударом.

Дориген содрогнулась. Она ожидала выпада, но то, что прозвучало, ужалило ее немилосердно. Тайнек, воин-варвар, которого она притащила из северных земель и обучала, надеясь сделать своим оруженосцем, стал ее любовником, заменив Абаллистера на ложе страсти. Дориген ни минуты не сомневалась в том, что старый колдун не без злорадства сообщил ей о смерти великого воина. Какая-то женщина, дву-

мя футами ниже Тайнека и весившая втрое меньше, легко нанесла ему смертельную рану. В своем отчете о поединке, знала Дориген, демон Друзил нарочно преуменьшил силу этой воительницы, чтобы насладиться скрытым противоборством, которое разгорелось между двумя чудесниками.

Колдунья решила отыгаться, ей захотелось бросить главному магу в лицо еще одно дерзкое замечание. Ведь он даже не представляет себе, на что способны эта маленькая Даника, сопровождающий ее жрец Кэддерли и прочие неприятели, встреченные ею в Шилмисте. Взгляд колдуньи упал на Друзила, сидящего неподалеку. Но демон закрыл кожистыми крыльями лицо, похожее на мордочку пекинеса, и не сделал ни одного движения, чтобы поддержать чародейку.

«Гнусная, трусливая сволочь», – подумала Дориген. Со времени возвращения в Замок Тринити Друзил избегал общаться с колдуньей. Она знала, впрочем, что демон не особо слушается и Абаллистера, хотя тот пока держит в своих руках бразды правления, а расчетливый демон всегда старается принять сторону победителя.

– Хватит препираться, – сказал вдруг Абаллистер. – Наши планы были нарушены рядом непредвиденных обстоятельств.

– Вроде вашего сыночка, – не удержалась Дориген.

Кислая улыбка Абаллистера означала, что чародейка перешла уже все границы.

– Мой сыночек, – повторил главный маг, – дорогой юный

Кэддерли. Да, Дориген, это самое непредвиденное из встретившихся нам обстоятельств. Ты согласен, Малыш Буй?

Колдунья взглянула на Бойго Рата, самого молодого мага в Замке Тринити, имя которого она и ее наставник обычно коверкали, превращая его то в «буй», то в «рак», а то и вообще в «буерак».

Молодой человек прищурился от обиды, поскольку совсем не ожидал ее. Он сильно отличался от своих учителей, что, помимо его возраста, служило еще одним поводом для насмешек. Бойго Рат носил весьма странную прическу, зачесывая сальные черные космы на правое ухо и оставляя левую половину головы гладко выбритой. Дориген приходила в «восторг» от его смелых экспериментов и всегда «восхищалась» этими «новыми веяниями» в парикмахерском искусстве.

– Ваш сын и вправду доставил нам много хлопот, – сказал Бойго Рат. – Чего же еще мы могли ожидать от отпрыска могущественного Абаллистера! Если молодой Кэддерли присоединится к нашим врагам, нам следует проявить мудрость, обращаясь с ним внимательно и осторожно.

«Молодой Кэддерли», – мысленно повторила Дориген, и на ее лице застыло презрение. Этот «молодой» жрец Денира всего двумя-тремя годами младше высокомерного переростка!

Абаллистер достал небольшой звенящий мешочек и встряхнул его, показывая остальным, что тот под завязку на-

бит монетами – скорее всего золотыми. Чародейка признала весомость этого довода, представив себе, сколь многое главный маг сможет приобрести с его помощью. Похожие мысли пришли и в голову Бойго Рата. Этот человек родился в Вестгейте, городе, расположенном в четырех сотнях миль на северо-восток, в устье Драконьего Озера. Вестгейт известен как суматошный торговый город, но о нем также говорят как о месте, где хозяйничают Ночные Маски – самые жестокие убийцы в Королевствах.

– Даже твоим Ночным Маскам придется непросто, если они столкнутся с юным жрецом. Где бы тот ни находился, в Шилмисте или Библиотеке Назиданий, – заявила Дориген.

Она сделала это, пожалуй, с единственной целью: как-то вывести Абаллистера из ледяного спокойствия, с которым тот решал вопросы, связанные со своим сыном. Несмотря на все то, за что она ненавидела Кэддерли (он сломал ей руки и лишил ее части магической силы), колдунья просто не могла поверить в неприязнь главного мага к своему детищу.

– Он не в Шилмисте, – с усмешкой сказал Бойго Рат, и в его карих глазах вспыхнули огоньки, – и не в Библиотеке. – При этих словах Дориген уставилась на Бойго Рата, и ее внезапный интерес явно польстил юному колдуну. – Он в Кэррадуне.

– Подначивает гарнизон, несомненно, – добавил Абаллистер.

– Ты в этом уверен? – спросила колдунья Бойго Рата.

Тот в ответ взглянул на Абаллистера, который снова потряс мешочком с золотом. От его позвякивания по спине колдуньи побежали мурашки. Стало ясно, что азартный выскочка рискнет всем, что у него есть, – своими связями с убийцами Вестгейта, – ради своих притязаний на высокое место в Замке Тринити. Хотя ее руки по-прежнему нежно болели, Дориген испытала жалость к сыну главного мага.

– Все обстоятельства можно предвидеть, дорогая чародейка, – заметил Абаллистер.

Эту мысль он неоднократно повторял раньше, когда он и Дориген с глазу на глаз обсуждали вопросы, связанные с судьбой его сына. И вновь старый колдун потряс мешочком, опять вызвав озноб вдоль ее позвоночника.

Элберет и Даника сидели наверху Непроступного Холма, защищенной позиции, которую эльфы, отбив у врага, сделали своей ставкой. Лишь немногие из них бодрствовали в эту звездную ночь: гарнизону больше не угрожала никакая опасность. И вправду, судя по словам Хаммадин (а данные лесной феи, выманенной из дерева, оставались верны с тех пор, как Кэддерли месяцем раньше сделал ее союзницей), в радиусе десяти миль от лагеря не наблюдалось ни одного чудовища. Мир пришел на эльфийскую землю: не слышалось ни звона мечей, ни криков смертельно раненных.

– Ветер крепчает, – произнес Элберет, предлагая Данике

свой дорожный плащ.

Она взяла его и улеглась в густой траве рядом с эльфом, глядя на бесчисленные звезды и темные очертания облаков, гонимых ветром.

Тихий смех Элберета заставил ее снова сесть. Проследив за взглядом эльфа, она посмотрела на спуск с холма. Прищурившись, Даника смогла различить три силуэта, принадлежавших, по всей вероятности, двум дворфам и эльфу, насакивающим друг на друга в тени деревьев.

– Это Шейли? – спросила Даника. Элберет кивнул.

– Она очень сдружилась с дворфами за последний месяц, – заметил он. – Шейли признает их мужество и испытывает к ним благодарность за то, что они остались здесь помочь нам в бою.

– А король эльфов не испытывает подобной благодарности? – поинтересовалась Даника.

Элберет ответил улыбкой на ее шутливый укол. Он вспомнил свою первую встречу с дворфами и то, как ему пришлось обменяться с Айвеном парой-тройкой серьезных ударов. Как много воды утекло с тех пор! У Элберета тогда были весьма натянутые отношения с отцом, королем. Лесу, впрочем, и в те времена угрожала опасность.

– Я тоже испытываю благодарность, – мягко ответил он. – Я никогда не забуду, скольким я обязан дворфам... А также тебе.

При этих словах он встретился взглядом с Даникой. Его

серебристые глаза, не мигая, ловили взгляд загадочных карих глаз девушки. Их липа приблизились друг к другу на расстояние не больше дюйма. Даника закашлялась и отвернулась.

– Война близится к развязке, – заметила она, разрушая романтичность момента.

Элберет сразу же понял, что последует за этой фразой. Уже несколько дней Даника ходила сама не своя.

– Мы очистили Шилмисту от гоблинов до окончания холодов, – твердо сказал король эльфов. – Я подозреваю, что новую атаку они предпримут весной, когда откроются горные тропы.

– Надеюсь, к тому времени эти сони в Кэррадуне и Библиотеке наконец зашевелиятся, – предположила девушка.

– Чем ты сможешь помочь?

Даника промолчала, глядя на травянистый склон, по которому к ним поднимались три силуэта.

– Я никогда не относился к деревьям внимательно, – жаловался Айвен, потирая ушибленный нос.

– А я всегда думала, что такой коротышка, как дворф, легко сможет уклониться от низко висящих веток, – заливисто смеясь, отвечала Шейли.

– Хи-хи-хи, – добавлял Пайкел, на всякий случай отойдя подальше от мощных кулаков Айвена.

– Пришло время нам с дворфами отправляться, – выдавила Даника, ненавидя эти слова, но сознавая необходимость

сказать их.

Улыбку Элберета как ветром сдуло. Окинув девушку долгим тяжелым взглядом, он выразительно промолчал.

– Например, мы можем примкнуть к Эйвери и Руфо, которые едут в Библиотеку Назиданий, – продолжила Даника.

– Однако вы можете смело переложить на них все дела в Библиотеке и городе, – вставил Элберет. – И остаться у нас, все трое. Наши ворота открыты. Шилмиста приобретает воистину новую прелесть под белым покрывалом зимы.

– Не сомневаюсь в искренности твоих слов, – ответила Даника, – но боюсь, мне все же пора. Ведь там...

– Кэддерли? – перебил Элберет, улыбаясь, несмотря на то, что скорая разлука с друзьями огорчила его.

Девушка ничего не ответила, не вполне уверенная в своих чувствах. Она посмотрела на склон, где два брата все еще старались залезть наверх к поджидавшей их Шейли. Дворфы уже почти одолели подъем, когда внезапно Айвен пробормотал что-то, задевшее его брата. Пайкел прыгнул на него, и они оба кубарем скатились вниз. Эльфийская дева помахала Данике с Элберетом и легко вбежала к ним на вершину.

Как только она к ним присоединилась, ее улыбка сменилась выражением любопытства. На мгновение Шейли вгляделась в лицо Даники, а затем вынесла определение:

– Ты уходишь.

Даника не отвечал, она с трудом смотрела эльфийской де-
ве в лицо.

– А когда? – спросила Шейли, причем голос ее остался мягким и добрым.

– Скоро. Может быть, уже завтра, – ответила девушка.

Шейли понадобилось некоторое время, чтобы обдумать это известие, горькое и сладкое одновременно. Даника покидает их после победы, когда лес уже можно считать спасенным. Она всегда может вернуться, равно как и эльфы вполне в состоянии навестить ее, лишь слегка остерегаясь орков и гоблинов.

– Я одобряю твой выбор, – сказала наконец Шейли. Даника повернулась к ней, чувствуя в себе новые силы благодаря этой поддержке. – Здесь битва выиграна, по крайней мере, сейчас, – звонко продолжила эльфийская дева, весело бросая слова в чистый вечерний воздух. – У тебя там накопилось много дел. Не говоря уже о продолжении занятий в Библиотеке Назиданий.

– Я надеюсь, Айвен и Пайкел сопровождают меня, – ответила Даника, – им тоже есть чем заняться в Библиотеке.

Шейли кивнула и посмотрела на склон, по которому братья питались взобраться уже в третий раз. Сейчас, при ярком свете мерцающих звезд, девушка наконец разглядела, сколько теплоты и участия к братьям излучают сиреневые глаза эльфийки. Девушка поняла, что Шейли готова оставить свою заботливую опеку. Но не потому, что радуется скорому отбытию воительницы с двумя дворфами, а потому что согласна с решением Даники.

– Если весной сражение возобновится... – попыталась начать Шейли.

– Мы вернемся, – заверила ее Даника.

– Вернемся куда? – не понял Айвен. Он, наконец, вскарабкался наверх и теперь вытряхивал из рыжей бороды листья, набившиеся, пока он два раза скатывался с холма. Справившись с этим нелегким занятием, он начал старательно затыкать бороду за широченный пояс.

– В Шилмисту, – объяснила Шейли, – если вонючие гоблины полезут опять.

– Мы куда-то идем? – переспросил Айвен девушку.

– О-хо-хо, – сказал Пайкел, начиная все понимать.

– Зима скоро заявится в наши края, – ответила Даника. – Перевалы через Снежные Хлопья станут непроходимы.

– О-хо-хо, – сказал Пайкел.

– Ты права, – энергично кивнул Айвен после минутного размышления. – Здесь все стало слишком спокойным. Нам нечего делать. Мне и моему брату скоро наскучит это сонное царство. К тому же с нашим уходом эта библиотечная братия уже наверняка подзабыла, что значит нюхнуть хорошего жаркого.

Шейли дала Айвену подзатыльник. Он развернулся и недоверчиво уставился на ее невинно улыбающееся лицо. Даже толстокожий дворф смог распознать боль, притаившуюся в тонких чертах загорелого лица этой эльфийской девы.

– Ты все еще должен мне поединок, – объяснила она.

Дворф смущенно закашлялся, по-детски непосредственно подняв полу рубашки, чтобы промокнуть невесть откуда взявшуюся сырость в глазах и носу. Данику искренне поразила столь внезапная перемена в бесшабашном поведении дворфа.

– Ба! – взревел Айвен. – Какой поединок? Ты бодр и свежа, как этот задира! – Он хлопнул мозолистой рукой по спине Элберета, которому задал хорошую взбучку в похожей потасовке месяцем раньше. – Ты будешь тут плясать, выделяя круги, пока мы оба не свалимся от усталости!

– А ты что думал? Что я спущу тебе оскорбление, которое ты нанес моим верным людям? – наступала Шейли, уперев руки в пояс и угрожающе нависая над коротышкой.

– Ты думаешь, тебе все сойдет с рук? – спросил Айвен, ткнув толстым пальцем в ее пупок. – Луки к бою! – вскрикнул он тут же, сделав вид, что падает, сраженный стрелой. Шейли пыталась передразнить его, но ее голос звучал чересчур мелодично, чтобы сойти за хриплый бас дворфа. Айвен поднялся на ноги и положил руку на плечо брата. – Возвращаем вам чистый лес, – сказал он, протягивая руку Элберету. – Получите и распишитесь.

– Счастливого пути тебе, Айвен Валуноплечий, – ответил эльфийский король. – Спасибо тебе и твоему храброму брату. Знайте, что Шилмиста всегда открыта для вас, если вы снова встанете на эту дорогу.

Братья одинаково улыбнулись.

– Нам не страшен жирный орк! – прорычал Айвен, хлопнув Шейли пониже спины и пустившись наутек, прежде чем та успела дать ему сдачи.

– Мне тоже пора идти, – сказала Элберету Даника. – До рассвета я должна сложить вещи.

Король кивнул, но не смог ничего ответить из-за внезапно подступившего к горлу комка.

Как только девушка ушла, спустившись по траве вслед за дворфами, Шейли присела неподалеку от Элберета, в серебристых глазах которого уже поселилась грусть.

– Ты любишь ее? – спросила эльфийская дева после минутного молчания.

Элберет ненадолго замер, а затем признался:

– Всем сердцем.

– А она любит Кэддерли, – напомнила Шейли.

– Всем ее сердцем, – с горечью согласился Элберет.

Шейли выдавила невеселую усмешку, стараясь развеять грустное настроение друга.

– Никогда бы не поверила, что король эльфов Шилмисты сможет полюбить человека! – сказала она, хлопая Элберета по плечу.

Эльф взглянул на нее серебристыми глазами и печально улыбнулся:

– Я тоже не предполагал, что эльфийскую деву может очаровать рыжебородый дворф.

Шейли ответила взрывом звонкого хохота. Да, она вос-

приняла Айвена и Пайкела как друзей, преданных помощников, но предположить что-то большее было бы просто нелепо. Однако затем эльфийская дева понимающе замолчала, глядя вниз на поросший травой склон. Теперь, когда братья Валуноплечие скрылись из виду, он показался ей совсем опустелым.

ЗАДОЛГО ДО РАССВЕТА

Бойго Рат осторожно постучал в дверь небольшой совещательной комнаты. Он никогда не чувствовал себя в безопасности, имея дело с вселяющими страх Ночными Масками. Целая толпа бандитов сопровождала двух главарей союза, направившихся к Замку Тринити в это утро. К своему удивлению, Бойго увидел гораздо больше опытных убийц, чем, по его мнению, требовало столь простое задание.

Одетые в черное охранники придирчиво осмотрели колдуна, прежде чем позволить ему войти. Эти двое, подметил Бойго, ничем не примечательны – скорее всего, в зловещей банде они новички. Стражники носили одежду, служившую условным знаком в гильдии наемных убийц из Вестгейта (в которой они напоминали обычных крестьян) и черные полумаски с посеребренными краями. Желтые клыки, внезапно обнажившиеся при ухмылке одного стражника, навели колдуна на мысль, что тот более смахивает на орка, нежели на человека. Впрочем, в тайном союзе подобное никого не удивляло. Стоило Бойго подумать об этом, как мурашки тотчас пробежали по его спине, липкой от выступившего холодного пота. Независимо от того, кто эти двое, люди или чудовища, колдун в любом случае чувствовал себя не в своей тарелке. Он знал, что, хотя убийцы не носят на виду оружие, каждый из них обвешан им под одеждой, к тому же обучен

воевать голыми руками.

Когда обыск закончился, два стражника впустили молодого колдуна в комнату, затем они отступили к двери, неподвижно застыв по обеим сторонам от входа. Бойго забыл о стражниках тотчас же, как они остались за его спиной, обнаружив внутри уютной комнаты субъектов намного занятнее. Ближе всего к нему сидел тщедушный человек (если это слово к нему подходило), изнеженный и явно больной, заходившийся в приступах хриплого кашля. Человек не имел даже признаков бороды или хотя бы щетины, лицо его казалось по-детски чистым и мягким. Тяжелые веки двигались очень лениво, а губы, слишком пухлые и одутловатые, выглядели карикатурно.

Сидевший напротив являлся его полным антиподом. Мощный, широкоплечий, крепкий человек с густой рыжей бородой и шапкой волос того же цвета, своими руками, казалось, мог с легкостью порвать Бойго на части. Однако, насколько знал колдун обычаи Ночных Масок, рыжий богатырь еще менее подходил для задания, чем его щуплый напарник. На перевязи у рыжего болтался огромный меч, а многочисленные шрамы свидетельствовали о нелегких сражениях. Одевание здоровяка также не имело ничего общего с тем, что предпочитали убийцы. Его запястья украшали большие блестящие запонки, стягивающие усеянные бриллиантами краги. Белоснежному дорожному плащу послужила основой шкура белого медведя.

– Ты и есть Бойго Рат? – спросил богатырь мягким голосом, удивляя неожиданно высоким тембром и утонченным выговором.

Колдун кивнул и с низким поклоном ответил:

– Приветствую тебя, собрат по Ночным Маскам.

Рыжеволосый окинул его любопытным взглядом.

– Я не слышал, чтобы ты сохранял какие-то связи с гильдией, – сказал он. – Насколько я знаю, вы расстались по обоюдному согласию.

Бойго нервно переступил с ноги на ногу. Три года назад он заплатил внушительную сумму, чтобы покинуть ряды Ночных Масок. И даже этот подкуп приняли лишь потому, что его отец, влиятельный купец в Вестгейте, располагал связями в правительстве города и пользовался у зловещей гильдии уважением. Иначе отступным для Бойго стало бы то же, что и для любого, не отвечавшего требованиям Ночных Масок: он расплатился бы своей жизнью.

– Нечасто приходится видеть человека, настаивающего на том, что когда-то принадлежал к нашему славному братству, – поддразнивал рыжеволосый. В его речи, выдававшей хорошее образование, сквозила язвительная насмешка.

Бойго снова заерзал, и ему пришлось напомнить себе, что он находится дома, в Замке Тринити, и что Абаллистер и Дориген со всеми подручными присматривают за этой встречей.

– Причиной моего ухода стало весьма необычное обстоя-

тельство, – ответил молодой колдун, пытаясь справиться с беспокойством, с усилием закидывая за спину густые темные волосы. – Я подчинился другому призыванию, увлекшему меня далеко от Вестгейта. Как видите, мой уход принес нам всем ощутимую пользу. Я достиг уровня власти, которым не располагаете вы, зато братство может хорошо зарабатывать, выполнив мою небольшую просьбу. Вы сами знаете, в чем она состоит.

Рыжий великан ухмыльнулся, не одобряя заносчивости Бойго, и посмотрел на своего хилого спутника, который тоже выглядел разозленным.

– Садись к нам, – пригласил Бойго Рата великан. – Я, Вандер, возглавляю отряд, выполняющий то небольшое задание, о котором ты говоришь. А это мой напарник Призрак, весьма необычная и одаренная личность.

Бойго сел между ними. Он недоверчиво оглядывал своих подозрительных соратников, словно выискивая, к чему бы придаться.

– Что-то не так? – спросил Вандер, с любопытством наблюдая за действиями молодого колдуна.

– Нет-нет, – незамедлительно выпалил Бойго. Он заставил себя успокоиться и признал: – Я просто удивляюсь, что легкое поручение требует столь тщательных приготовлений.

Вандер громко захохотал, но затем резко замолчал, на его лице появилось странное выражение. Глядя на Призрака, великан начал подергиваться всем телом. А затем, к большому

удивлению колдуна, Вандер вместе со всей экипировкой начал расти в размерах. Меч, и без того немаленький, принял и вовсе гигантские очертания, белый медведь, послуживший основой для плаща, уже не выглядел карликом, как раньше. Поскольку Вандер сидел, никто не мог сказать точно, насколько большим он стал, но Бойго догадался, что великан дорос теперь не менее чем до десяти футов.

– Так, значит, ты дуплосед? – пораженно спросил он, поняв, кем являлся его собеседник.

Теперь Бойго совсем растерялся. Даже одно присутствие в отряде огромного рыжеволосого здоровяка столь необычной внешности казалось странным для Ночных Масок. Но помощь дуплоседа и вовсе превосходила границы возможного. Злобный взгляд Вандера не смягчался. Его темные глаза подозрительно уставились на Призрака из-под густых бровей. Затем он вернулся в свое прежнее состояние, снова начав умищаться на стуле.

– Простите, – неожиданно сказал он колдуну. – Я и вправду принадлежу к племени лесных великанов, хотя и стараюсь не открывать свой нечеловеческий облик.

– Но тогда почему... – начал Бойго Рат.

– Это неблагоприятно, – быстро перебил Вандер, и тон его низкого голоса показывал, что продолжать он не хочет.

Бойго вовсе не собирался спорить с великаном в восемьсот фунтов весом. Он скрестил руки на коленях и постарался расслабиться.

– Значит, тебя удивляет численность нашего отряда? – спросил Вандер, возвращаясь к заданному вопросу.

– Я не ожидал стольких исполнителей, – снова повторил Бойго.

– Да будет тебе известно, – холодно сказал рыжебородый, – что Ночные Маски не любят случайностей. Слишком часто дела, кажущиеся «простенькими», оборачиваются самыми сложными. А ошибаться мы не имеем права. Вот почему братство так основательно подходит к любому заданию.

При этих словах он по-петушиному склонил голову набок, что показалось Бойго совсем уж не великанским жестом, и выразительно осмотрел мешочек на поясе колдуна. Поняв намек, Бойго отвязал от пояса вожаденное золото и протянул его Вандеру.

– Здесь ровно половина, – объяснил он, – как обговорено с вашим начальником.

– И с вашим тоже, – быстро ответил Вандер, не желая оставлять за Бойго последнее слово, – магом по имени Абаллистер, насколько я знаю.

Бойго Рат молчал, не отрицая этих слов, но и не подтверждая их.

– И ты станешь сопровождать нас как представитель Замка Тринити? – не то спросил, не то согласился Вандер. – Еще одно необычное обстоятельство.

– Об этом также есть договоренность, – решительно отвечал Бойго. При этом он продолжал суетливо перебирать

пальцами, что ставило под сомнение уверенность его тона. – Между обеими сторонами, – добавил он осмотрительно, – в том числе потому, что я состоял в свое время в членах гильдии и знаю ваши порядки.

Вандер еле сдержал горячее желание сбить спесь с заносчивого юнца. Великан знал, что Абаллистер дополнительно отстегнул значительную сумму, чтобы Бойго включили в отряд, и что это назначение не имеет ничего общего с прежним положением молодого колдуна в братстве.

– Я стану сопровождать вас в Кэррадуне, – продолжал Бойго, – чтобы потом предоставить моим наставникам подробный отчет.

Вандер широко улыбнулся, отметив явный промах юнца. – Какую бы роль ты ни сыграл в смерти Кэддерли, это не меняет суммы, причитающейся Ночным Маскам, – неумолимо сказал великан.

Бойго кивнул.

– Я обязан лишь наблюдать, и ничего больше, – согласился он примирительно. – Если, конечно, вы как руководитель не решите иначе. Кстати, могу я поинтересоваться, в чем будет состоять ваша роль? – Бойго сделал паузу. Он чувствовал, что переходит границы, но не мог оставить за Вандером столь очевидное преимущество в общем деле. – Мне кажется несколько необычным, чтобы дуплосед разгуливал по улицам Кэррадуна. И что можно поручить призраку человека?

– Не «призраку человека», а просто Призраку, – огрыз-

нулся Вандер. – Тебе не помешает это запомнить. Моя же роль, – продолжал он, слегка смягчившись, – тебя вообще не касается.

Бойго почувствовал себя немного задетым. Его удивило, что Вандер рассказывает о своем товарище, а не о себе, несмотря на то, что колдун интересовался как раз обязанностями великана.

– Призрак нужен, – продолжал Вандер, – чтобы прокладывать путь, разведывать обстановку, собирать данные и подготавливать цель. В моем распоряжении двадцать смекалистых убийц. Так что нам понадобится надежное укрытие вблизи городских стен – но не внутри, разумеется.

Бойго кивнул, сраженный простой логикой.

– Итак, мы отправляемся утром, – продолжил Вандер. – Ты готов?

– Конечно.

– Тогда совещание закрыто, – жестко заявил Вандер, указывая на дверь.

В тот же миг двое стражников в черном зажали Бойго с обеих сторон и выпроводили из комнаты.

Колдун много раз оглядывался на дверь, пока медленно шел по коридору. Щуплый Призрак и дуплосед? Очень странно и необычно. Но, впрочем, Бойго провел в рядах Ночных Масок лишь чуть больше месяца, прежде чем заявил о своем желании покинуть гильдию. Он не мог не признаться (хотя бы самому себе), что очень мало знает о том,

какие методы использует этот опасный союз.

Вскоре Бойго оставил все мысли о Вандере с Призраком, сосредоточившись на другой предстоящей встрече. Согласно требованию Абаллистера колдуну следовало пообщаться с демоном Друзилом, чтобы узнать как можно больше о Кэддерли и его спутниках. Этот демон уже встречался со жрецом пару раз (равно губительных для Замка Тринити) и знал о нем больше, чем кто-либо другой.

Бойго отчаянно хотел получить эти сведения. Его немного тревожило, что гильдия привлекла к этому делу такие силы. Конечно же, он не собирался дать Кэддерли улизнуть – но ему хотелось лично пожинать лавры. Больше, чем кто-либо, Бойго Рат мечтал принять в убийстве непосредственное участие, чтобы тем самым заслужить уважение Абаллистера – и даже, возможно, Дориген.

Он уже устал от насмешек, от прозвища «буерак». Что скажет могущественная Дориген, вернувшаяся из Шилмисты, подрастеряв свою магическую силу, со сломанными и распухшими руками, когда Бойго доставит голову беспокойного Абаллистерового сыночка? В конце концов, именно Кэддерли послужил причиной унижения Дориген.

Колдун осмеливался мечтать, что займет новое, более высокое положение в Замке Тринити, став правой рукой Абаллистера. Пока что руки Дориген заживают слишком медленно и неохотно. Служители в Замке и вовсе сомневаются, что пальцы колдуньи когда-либо обретут прежнюю по-

движность. Учитывая, что четкость движений пальцев играет важную роль в наведении чар, кто может ставить на власть колдуньи?

Бойго суетливо потирал руки, входя в комнату, где его поджидал Друзил, в нетерпеливых мечтах колдуна уже распахивающий перед ним двери в лучшую жизнь.

– Как ты смеешь так поступать со мной?! – зарычал дуплосед на своего спутника, как только Бойго скрылся из виду.

Кивком головы великан велел стражникам покинуть комнату. Затем он встал с сиденья и угрожающе придвинулся к Призраку.

– Я не знал, что мое... что твое... что тело приобретет прежние очертания, – запищал щуплый, стараясь поглубже зарыться в атласные подушки кресла. – Я думал, что колдовство удержится дольше, по крайней мере до конца встречи.

Дуплосед схватил тощего напарника за грудки и потряс в воздухе.

– Эх, Вандер, – отчетливо произнес великан, причем черты его лица остались спокойны, – милый добрый Вандер.

При этих словах дуплосед внезапно поморщился и ударил Призрака по лицу, разбив ему нос в лепешку. Мощный кулак оставил след на щеке, второй удар сделал то же самое со второй. Затем со злобной ухмылкой рыжий великан одной рукой схватил щуплого в охапку и так жестоко стиснул его, что кости Призрака затрещали. Трепка продолжалась довольно долго, пока наконец дуплосед не бросил едва живого про-

тивника обратно в кресло.

– Если ты еще когда-либо обманешь меня вот так же, – предупредил рыжеволосый великан, – если когда-либо снова унизишь меня на глазах у кого-нибудь наподобие Бойго Рата, я буду мучить тебя, пока ты не согласишься о смерти!

Сидящий в кресле настоящий Вандер свернулся клубочком, потирая сломанную руку и чувствуя себя ужасно уязвимым, загнанным внутрь чуждого тщедушного тела.

– Я хочу свое тело обратно, – внезапно сказал Призрак в оболочке дуплоседа. – Твое такое волосатое и к тому же чешется от грязи!

Вандер в теле тщедушного приподнялся и кивнул, с нетерпением желая обрести свой первоначальный облик.

– Не сейчас! – рявкнул на него Призрак. – Не раньше, чем заживут мои раны. Когда я пустил тебя в мое тело, оно светилось здоровьем. И я не приму его назад в столь ужасном виде, – сказал он с кислой миной. – Ты очень плохо с ним обращаешься.

Великан, обитающий в чужом теле, опять отступил. Эта игра уже несколько лет сидела у него в печенках, но что мог он поделать? Он не имел сил избежать злых когтей привидения, не мог противиться колдовским чарам. Вандер мечтал лишь о том, как обрести снова свое мощное тело и задать перцу этому щуплому недомерку. Но Вандер знал, что Призрак тут же провернет колдовство с обменом телами, и тогда он почувствует боль своего же собственного кулака. Изгнан-

ный из своего тела великан знал, что Призрак может продолжать избиение иной раз часами, пока бедный дуплосед не сломается и не заплачет в открытую, умоляя хозяина о пощаде.

Потрепанный воин осторожно потрогал свой сломанный нос. Тот быстро восстановился: боли не чувствовалось, кровавые сопли уже перестали течь. Сломанная рука зажила, и Вандер слышал хруст срастающихся костей. Еще несколько минут, думал он, успокаивая себя, и я получу мое тело назад, мое настоящее могучее тело.

– Я вскоре отправляюсь по делам, – сказал ему Призрак и угрожающе указал пальцем на Вандера. – Помни, что ты мой товарищ по духу, – предупредил он. – Я могу вернуться за тобой в любое место в любое время.

Вандер опустил взгляд, не находя сил сопротивляться. Однажды он уже пытался избавиться от этого кошмара и прошел почти весь путь домой через Хребет Мира. Но Призрак, находившийся тогда в тысячах миль от него, нашел бедного воина и насильно обменялся с ним телом. Просто для того, чтобы показать своему слуге, как бессильны попытки побега, Призрак безжалостно завел нескольких других дуплоседов, включая брата Вандера, на малоизведанный перевал к востоку от Мирабара.

Великан навсегда запомнил ужасную минуту, когда Призрак вернул ему тело, держащее в гигантской ладони руку мертвого сына. Вернувшись в Вестгейт, Вандер, казалось,

наконец убил Призрака, почти оторвав голову от узких плеч, но неделю спустя тот, улыбаясь, снова пришел в лагерь воина.

С трудом отвлекаясь от воспоминаний, богатырь посмотрел на ненавистного спутника. Призрак нависал над ним в белой перчатке на одной руке и черной на другой, поблескивая старинным зеркалом в золотой раме на золотой же цепи вокруг шеи.

Мучитель хлопнул в ладоши, и Вандер почувствовал, что воспаряет. Его бездомный дух оглядел слабую беспомощную оболочку, лежащую на полу, а затем посмотрел вперед на свой новый надежный приют. Затем пришла вспышка обжигающей боли, означавшей, что Вандер входит обратно в туловище дуплоседа. Его дух весело облетал тело, принаравливаясь к новому месту обитания и пытаясь устроиться в этой раковине поудобнее.

Призрак, как и всегда, быстрее великана пришел в себя после пребывания в мире духов. Теперь он удобно расселся на стуле, пристально наблюдая за дуплоседом, пока Вандер приходил в сознание. Странные перчатки и зеркало вновь оказались на щуплом теле – волшебные приспособления всегда путешествовали вместе с хозяином. Как только стало ясно, что Вандер не нападет, Призрак соединил руки и закрыл глаза. Волшебные предметы тут же исчезли, но Вандер знал по своему горькому и болезненному опыту, что по первому требованию мучителя они вернутся обратно.

– Согласно договору ты отправишься в путь вместе с отрядом и молодым колдуном, – поучал Призрак.

– Ты имеешь в виду Бойго Рата? – спросил Вандер. – Что-то он мне не внушает доверия.

– Ничего страшного, – отвечал Призрак. – В конце концов, я тоже не внушаю тебе доверия. Но знаю, что ты очарован моим неотразимым обаянием.

При этих словах великану захотелось размазать в лепешку ехидную улыбку на лице Призрака, моргающего нависшими веками.

– Колдун станет сопровождать нас, – продолжал наставления Призрак. – Абаллистер от души заплатил, чтобы мы взяли этого выскочку. Хороший кусок золота за столь маленькое неудобство.

– Но зачем ему это надо? – не выдержав, спросил Вандер. Его всегда поражало, как ничтожные людишки умудряются сплести целые сети интриг вокруг, казалось бы, пустякового дела.

– Абаллистеру кажется, – ответил Призрак, – что, пошлав сопровождающего, он сможет все про нас знать. У мага вообще есть слабость в отношении знаний. Он терпеть не может, чтобы какое-либо событие оказалось для него непредвиденным.

Вандер не стал с ним спорить. Могучий воин лишь однажды видел Абаллистера, в то время как Призрак разговаривал с морщинистым старцем не меньше трех раз. Но дуло-

сед не сомневался в тех выводах, которые сделал Призрак. Его мучитель отличался умением хорошо понимать характеры людей, буквально влезая к ним в душу, и всегда находил, как воспользоваться этим своим преимуществом.

Молодой жрец моргал от яркого утреннего солнца, осветившего гладь озера Импреск и залившего комнату лучами, ворвавшимися через балконные двери. Завтрак уже ждал Кэддерли на соседнем столе. «Дополнительная порция», – заметил он и улыбнулся. Это маленький подкуп, с помощью которого Бреннан пытается отблагодарить волшебника за продолжительное молчание. Ведь Фредегар совершенно не обрадовался бы, узнав, где совсем недавно провел ночь его сын.

Кэддерли и вправду проголодался. Еда выглядела аппетитно. Но когда молодой человек заметил на столе у окна Книгу Всеобщей Гармонии, он почувствовал более настоящий и неутолимый голод. Он взял лишь один бисквит и вернулся к столу и книге.

В очередной раз Кэддерли мчался, листая страницы, сквозь сливающиеся слова, быстрее, чем поспевали глаза. Он одолел том в считанные минуты, затем опять открыл его и начал снова отчаянно продираться сквозь слова, желая только, чтобы таинственная Песнь лилась без перерыва. Кэддерли уже не помнил, сколько раз за сегодняшний день он проделал эту работу. Когда пришел Бреннан с обедом, а

затем с ужином, он даже не поднял головы от чтения, напряженно вслушиваясь в загадочные звуки.

Дневной свет померк, но Кэддерли все продолжал заниматься. Когда комната стала погружаться во мрак, у него возникла мысль зажечь огонь в лампе – но ему тут же показалось невозможным впустую потерять столько времени. С трудом, отдавая себе отчет в том, что он делает, Кэддерли вспомнил одну из страниц и ее особенную мелодию, прошептал несколько простых слов – и в тот же миг яркий свет залил комнату.

Течение Песни прервалось. Кэддерли сидел, мигая, как сыч, с трудом осознавая, что он наделал. Молодой жрец постарался мысленно вернуться обратно, вспомнить ту самую страницу, воскресить ее образ в своем сознании. Затем вспомнил то заклинание и прочитал его снова с другим намерением, на сей раз, заменив два слова. Свет тут же погас. Потрясенный, Кэддерли спрыгнул со стула и повалился в кровать. Он закрыл глаза ладонью, как будто это могло изгладить из его памяти только что произошедшее.

– Утром надо повидаться с Пертилопой, – прошептал он. – Она все поймет.

Кэддерли сам не верил в то, что говорил, но отказывался признать правду.

– Утром, – снова прошептал он и забылся тяжелым сном. От восхода его, вконец растревоженного, отделяло немало времени, наполненного сновидениями.

Персиваль прыгает в окно комнаты — даже не в окно, а в двери веранды. Кэддерли удивляется, видя его в таком ракурсе: рядом с огромной белкой мощные двери кажутся маленькими оконцами. Но это все-таки Персиваль, подсознательно чувствует Кэддерли. Но почему он такой большой?

Белая белка входит в комнату и подбирается ближе. Кэддерли протягивает руку, чтобы погладить зверька, но Персиваль отступает, а затем бежит прочь. Его тяжелые лапы оставляют отпечатки на упавшем на пол поясе жреца. Кэддерли хочет уже возмутиться, но тут один из следов превращается в отверстие, и оттуда бьет бесконечный поток орехов. Сотни орехов! Тысячи! Гигантская белка с нетерпением запикивает их в свою бездонную пасть, и вскоре пол становится чистым снова.

— Куда ты идешь? — слышит Кэддерли собственный голос, в то время как белка направляется восвояси.

Двери каким-то образом уже успели закрыться, но Персиваль бежит прямо сквозь них, срывая с петель. Затем белка прыгает через перила балкона и скрывается в темноте.

Кэддерли садится в кровати — но это не его кровать, да и комната тоже чужая. Судя по всему, он лежит в гостиной, в общей комнате для постояльцев. Уже очень поздно, понимает он, и очень тихо. Кэддерли ощущает чье-то присутствие. Он чувствует рядом кого-то, похожего на привидение. Собрав все свое мужество, он оборачивается.

И тут же кричит: из его глотки вырывается возглас, вызванный глубоким отчаянием. Рядом лежит жрец-наставник Эйвери, учитель Кэддерли, его приемный отец, распростертый на одном из маленьких круглых столов. Его грудная клетка вскрыта. Кэддерли сразу понимает, что человек этот мертв и его сердце вырвано.

Проснувшись, Кэддерли приподнялся в постели — теперь уже в своей собственной. Его комната оставалась тихой, если не считать обычного стука балконных дверей, хлопающих на ночном ветру. Светила полная луна. Ее серебристый луч танцевал на полу, отбрасывая причудливые тени через оконное стекло.

Испуг оказался настолько сильным, что сонливость как рукой сняло. Кэддерли попытался снова вспомнить страницу в томе, стараясь воспроизвести то волшебство, то заклинание, которое помогает залить комнату светом. Он чувствовал, что истощен и встревожен, к тому же он не ел весь прошедший день, а возможно, и весь предыдущий. Образ страницы не приходил, так что испуганный жрец лежал неподвижно, в полутьме. Только мягкий лунный свет, ничего больше. До рассвета еще далеко.

СНОВА ДОМОЙ

Мощный гул голосов указывал путь Данике и братьям Валуноплечим, пока они шли по залам южного крыла второго этажа Библиотеки Назиданий. То, что источник этой суматохи – наставник Эйвери, трое друзей поняли намного раньше, чем приблизились к его кабинету. По слухам, встретившим их по прибытии, они знали, что главная мишень гневных выкриков мастера – послушник Кьеркан Руфо.

– Хорошо, что вы вернулись! – донесся голос откуда-то со стороны. Прямо по направлению к вновь прибывшим шла, тепло улыбаясь, директриса Пертилопа. Она по-прежнему носила черные перчатки и ниспадающее до пят одеяние с длинными рукавами. Стоячий воротник плотно обхватывал ее длинную шею, не оставляя открытым ни дюйма кожи. С волосами с проседью, стянутыми в тугий пучок, ее лицо казалось почти отдельным от тела, парящим в пустоте.

– Я уже испугалась, что, ваши сердца остались в Шилмисте, которая, впрочем, того заслуживает, – искренне сказала своим неизменно спокойным голосом директриса безо всякой тени осуждения.

– Вы просто сонные летучие мыши! – взревел Айвен, энергично тряся головой. – Это место больше подходит для робкого эльфа, чем для такого рубаки, как я!

Пайкел пнул его в голень, и братья еще долго обменива-

лись затрещинами и тумакami.

– В Шилмисте мы неплохо провели время, – признала Даника. – Особенно когда разделали под орех этих уродов. Теперь все произошедшее кажется сном, смутными тенями, промелькнувшими в эльфийском лесу.

Пертилопа кивнула, и теплая улыбка вновь осветила ее лицо.

– Вы идете повидать Эйвери? – не то спросила, не то подтвердила она.

– Это наш долг, – ответила Даника. – Хотя, кажется, наставник сегодня не в духе.

– Руфо испортит день кому угодно, попомните мое слово, – вставил Айвен.

Вновь Пертилопа кивнула, выдавив какую-то неестественную улыбку.

– Поступки Кьеркана Руфо в лесу, – объяснила она, – не просто забыть. Юному послушнику придется потрудиться, чтобы искупить вину. И доказать на деле, что он хочет вновь завоевать расположение учителей, особенно наставника Эйвери.

– Да уж куда ему! – фыркнул Айвен.

– О-хо-хо, – добавил Пайкел.

– Я слышала, что Руфо уже понес наказание, – кисло продолжила Пертилопа, выразительно глянув на кулак Даники.

Девушка машинально убрала виноватые руки за спину. Она не могла отрицать, что однажды сильно ударила Руфо,

заставив вернуться в лес, когда он пожаловался на недостатки ее друзей. Даника хорошо помнила, с каким удовольствием проучила этого хвастливого дурака. Сейчас она поняла, что ее поступок не остался тайной, и теперь, если его сочтут слишком опрометчивым, он может повлечь за собой неприятные последствия. Пертилопа почувствовала неловкость девушки и быстро перевела разговор на другую тему.

– Когда вы закончите говорить с наставником Эйвери, – сказала она, обращаясь к Данике, – зайди ко мне. Нам есть что обсудить.

Даника знала, что Пертилопа намекает на Кэддерли. Ей хотелось задать директрисе целую сотню вопросов. Но она, тем не менее, лишь кивнула и промолчала, преисполненная сознанием своего долга, решив, что ее желания пока подождут. Чувствительная Пертилопа понимающе улыбнулась, кивнув.

– Вопросы потом, – затем заговорщически подмигнула и пошла дальше.

Девушка проводила ее взглядом. Каждый шаг наставницы вызывал в душе Даники неотступные мысли о молодом жреце. Лишь нетерпеливое постукивание каблука Айвена заставило ее спуститься с небес на землю. Она неохотно повернулась к дворфам.

– Ну что, братья, – спросила Даника, – вы уже готовы к встрече с Эйвери?

– Не волнуйся, – заверил ее Айвен и озорно рассмеялся.

Схватив девушку за руку, он потащил ее к расположенному неподалеку кабинету жреца-наставника. – Если этот толстяк выйдет из берегов, говоря с тобой, я проучу его, обделив за обеденным столом. У здешнего повара тоже есть своя доля власти!

С этими словами Даника не могла спорить. Но они мало ее успокоили: приблизившись к дверям кабинета, она почувствовала всю степень гнева разъяренного Эйвери.

– Прощение? – ревел жрец-наставник. – Ты всегда просишь прощения, и ничего не меняется! Почему ты отказываешься взять ответственность на себя?

– Я вовсе не... – услышали они блеяние Руфо, но Эйвери тут же оборвал его.

– Еще как! – вскричал учитель. – Ты выдал их этому гнусному демону, и не один раз!

Затем наступила пауза, после которой голос Эйвери звучал снова, на сей раз уже чуть поспокойнее.

– Я должен признать, – заговорил он, – что впоследствии ты поступил вполне достойно. Но это не извиняет тебя. Даже не воображай ни на минуту, что ты получил прощение. Теперь возвращайся к своим делам. И знай, что любые колебания, даже малейшие, дорого тебе обойдутся.

Дверь распахнулась, и измученный Руфо застыл на пороге, явно обескураженный встречей с Даникой и дворфами.

– Ты удивлен? – с недоброй ухмылкой спросил Айвен.

Верзила, слегка пригнувшись, запустил пальцы в слипши-

еся черные волосы. Его карие глазки бегали, словно в поисках выхода. Не зная, как поступить, Руфо протиснулся между Даникой и Пайкелом и в смятении припустил прочь.

– Это твой день, не правда ли? – спросил Айвен вдогонку, наслаждаясь мучением труса.

– Долго же вы добирались ко мне, – донесся сердитый зов из комнаты, заставив товарищей снова вспомнить про Эйвери.

– О-хо-хо, – пробурчал Пайкел, но Айвен только фыркнул и смело прошел прямо к дубовому столу.

Даника и Пайкел вошли менее уверенно. Запас ярости Эйвери, казалось, себя исчерпал. Грузный мужчина вытащил из кармана носовой платок и промокнул им круглое лицо, от гнева покрывшееся пятнами.

– Я уж не верил, что вы вернетесь, – сказал он, с трудом успокаивая сбившееся дыхание. Его взгляд метнулся со старшего дворфа на младшего. – Я даже предложил декану Тобикусу подыскать новых поваров.

– Не волнуйтесь, – заверил его Айвен, поклонившись с таким усердием, что его борода разметалась по полу. – Мастера вашей светлости возвратились.

Пайкел вытянулся по струнке, преданно глядя на жреца, но сердитый взгляд наставника показывал, что Эйвери не одобряет самодовольное поведение шумного дворфа.

– Мне, конечно, нужен полный отчет о вашем времяпрепровождении в Шилмисте. Письменный отчет, – сказал на-

ставник, разбрасывая какие-то бумаги по большому столу.

– Я не умею писать, – сообщил Айвен. – Но я могу приготовить вам тушеное ухо гоблина. Оно хорошо подбадривало меня в пути по лесу.

Даже Даника не могла сдержать улыбку при этих словах.

– В таком случае госпожа Мопассант вам поможет, – сказал Эйвери, тщательно выговаривая каждое слово. Таким образом, он обычно выказывал неодобрение.

– Когда вам нужно его предоставить? – спросила Даника, надеясь вызвать весь огонь на себя. Ее мысли уже убежали в город, к Кэддерли, и она начала подозревать, что, возможно, ей стоило продолжить путь через горы и направиться прямо к нему.

– Вам следует через три дня встретиться с деканом Тобикусом, – велел Эйвери. – До этого отчет надо закончить.

– Но это невозможно, – возразила Даника. – Я готова встретиться с Тобикусом сегодня. В крайнем случае – завтра утром! Но...

– Через три дня, – повторил Эйвери. – Мой приказ не повод для обсуждения, госпожа Мопассант.

Он снова назвал ее по фамилии, и девушка знала, что таким образом наставник подчеркивает, как он сердит. Она почувствовала себя в ловушке.

– Но я не являюсь вашей подчиненной, – напомнила воительница дородному наставнику. Я вам ничем не обязана. Эйвери вновь оборвал ее.

– Вы сделаете то, что я приказал, – жестко заявил он. – Не думайте, что ваши выходки в Шилмисте забыты или прощены.

Даника отступила на шаг. Айвен, разозленный и смущенный одновременно, подскочил на носках и сердито воззрился на жреца.

– Ох-ох, – только и смог пробормотать ошеломленный Пайкел.

– Как я приказал! – повторил Эйвери, стуча тяжелым кулаком по столу. – Все вы вели себя как герои – и в Шилмисте, и еще раньше, когда коварные замыслы злобного некроманта едва не погубили Библиотеку. Но это не оправдывает ваших поступков, госпожа Мопассант.

«Каких таких поступков?» – хотела воскликнуть Даника, но не смогла молвить ни слова из-за душившего ее гнева.

– Вы избили Руфо, – наконец объяснил Эйвери, – служителя Денира, клирика Библиотеки Назиданий. Без уважительной причины, то есть без нападения с его стороны.

– Он заслужил это, – сказал Айвен. Наставник изобразил подобие улыбки.

– Почему-то я в этом не сомневаюсь, – согласился он, став на мгновение самим собой, – Но никто не отменял правил, относящихся к подобному поведению.

Он прямо посмотрел в карие глаза Даники.

– Ты хоть понимаешь, деточка, что, если я дам ход жалобам Руфо, тебя навек лишат доступа в Библиотеку? Подумай

об этом, – сказал Эйвери, дав девушке и ее спутникам время осознать эти слова. – Здесь находятся все книги, необходимые вам, все известные работы великого мастера Пенпага Д'Ана. Я знаю, как вы дорожите своим учением.

– Тогда почему вы угрожаете нам таким образом? – огрызнулась Даника. Она сбросила со лба прядь непослушных волос и скрестила на груди руки. – Если я неправа, отдубасив Руфо, судите меня, как положено. Но если он снова... Если после стольких испытаний и битв мне придется выслушивать его бесконечное хныканье и новые оскорбления в адрес меня и моих друзей... Я не поручусь, что снова не задам ему трепку.

– Ага, – с готовностью подтвердил Пайкел.

– Он того заслужил, – снова сказал Айвен. Эйвери замаха руками, успокаивая друзей.

– Хорошо, – согласился он, – я уверяю вас, что не собираюсь давать ход этим жалобам. Донос Руфо не уйдет дальше этого кабинета. Но в обмен я прошу вас сделать те несколько вещей, о которых я сказал раньше. Подготовьте отчет и встретьтесь с Тобикусом через три дня, как он того желает. Даю вам слово не упоминать больше жалобы Кьеркана – ни при вас, ни при ком-либо еще.

Даника задумчиво откинула с лица непослушную прядь волос. Эйвери знал, что это знак согласия.

– У Кэддерли, согласно донесениям, все в порядке, – приветливо продолжил наставник. Девушка вздрогнула. Услы-

шанное имя пробудило в ней страхи и болезненные раздумья. — Он остановился в «Чешуе дракона», вполне приличной гостинице, — сообщил Эйвери. — Фредегар, хозяин заведения, наш друг, и он присматривает за Кэддерли, несмотря на то, что мальчик почти не вылезает из комнаты.

Явное расположение дородного жреца-настоятеля к Кэддерли напомнило Данике, что Эйвери вовсе не враг — ни ей, ни ее любви. Она также поняла, что ярость наставника во многом вызвана той же тревогой, что терзала ее саму. Обычно Кэддерли время от времени навещал Библиотеку хотя бы для того, чтобы восстановить свои силы. Однако на этот раз молодой человек не появлялся довольно давно — и мог не сделать этого вообще.

— Сегодня утром я отбываю в город, — объявил Эйвери. — Накопилось много вопросов, которые лишь я смогу обсудить с местными властями. Учитывая угрозу войны, висящую в воздухе, и вообще... Впрочем, не беспокойтесь об этом. Вы трое вполне заслужили, по крайней мере, несколько дней отдыха.

Девушка поняла намек, содержащийся в словах наставника. Конечно, Библиотека и вправду имела необходимость сношений с городской знатью. Но Данике казалось странным, что в качестве представителя выбран именно Эйвери, в чьи обязанности входят куда более значительные дела (он осуществлял общее руководство и наставлял молодых послушников). Девушка знала, что Эйвери буквально настоял

на том, чтобы в город послали именно его. И вовсе не потому, что он так опасался угрозы, нависшей над местностью. Дела в Кэррадуне служили ему удобным предлогом, чтобы проведать Кэддерли, которого он лелеял и оберегал как родного сына.

Юная воительница вместе с дворфами распрощалась с наставником. Братья воинственно держались по бокам от Даники, пока она выходила из комнаты.

– Не волнуйся, – сказал ей Айвен. – Нам с братом тоже вскоре понадобится сходить в город, чтобы сделать запас еды на зиму. Можешь считать, что встреча с Кэддерли у тебя в кармане. Мы все уладим, все возьмем на себя. Кэррадун не так уж и далеко, но сейчас тебе лучше не ходить туда в одиночку.

Пайкел кивнул, признавая правоту брата. Затем они разошлись: дворфы направились вниз по лестнице в кухню, а Даника – к себе в комнату. Девушка поняла, что братья-дворфы тоже скучают по Кэддерли. Она снова откинула с лица прядь светлых волос, как будто этот символический жест позволял ей оставить все тревобления позади. Но подобно тому, как неподатливый локон неизбежно возвращался, закрывая лицо, так и опасения Даники все равно не покидали ее надолго.

Она отчаянно хотела увидеть Кэддерли, обнять и расцеловать его – и в то же время боялась встречи. Если молодой жрец вновь отвергнет ее, как он поступил в Шилмисте, жизнь девушки и ее стремление к знаниям могут потерять

какой-либо смысл.

– Я многого не видела, – призналась Даника, усевшись на краешек утопающей в подушках кровати директрисы Пертилопы. – Я смотрела на то, как приближается битва. Я знала, что Кэддерли и Элберет находятся в опасности, пока бросают вызов деревьям.

– Но ты уверена, что Кэддерли тоже сыграл роль в этом волшебстве? – с нажимом произнесла Пертилопа, повторяя свой вопрос, вероятно, уже в пятый раз. Она сидела рядом с Даникой, одетая в наглухо закрытое платье. – Это делал не только эльфийский король?

Даника кивнула.

– Я слышала заклинания Кэддерли, – попыталась объяснить она. – Там чувствовалось нечто большее, какая-то безотчетная власть...

Она запнулась, подыскивая слова, но они не приходили на ум. Девушке никак не удавалось объяснить даже самой себе, что же на самом деле произошло в Шилмисте, когда Кэддерли и Элберет разбудили величественные дубы. Ведь миражи, как известно, описанию не поддаются.

– Кэддерли говорил мне, что тоже в этом участвует, – наконец взволнованно заговорила Даника. – Однако эти заклинания подразумевали не просто повторение древних слов. Он говорил о почерпнутой энергии, о загадочной Силе, позволившей ему войти в мир деревьев до того, как они очнулись и снова стали людьми.

Пертилопа тихо кивала, слушая эти слова. Она не сомневалась в честности Даники, равно как и в таинственной многообещающей власти, которой обладал Кэддерли.

– А как насчет раны эльфийского мага? – спросила она.

– По словам Элберета, – ответила Даника, – копьё вошло в тело Тинтагеля на глубину не менее фута. Его одежда была вся в крови – я видела это своими глазами, – и Элберет в первые несколько мгновений думал, что магу не выжить. Но когда я снова его увидела, буквально спустя полчаса после ранения, он казался вполне здоровым и снова насылал заклятия на наших врагов.

– Ты могла видеть исцеляющую магию еще в Библиотеке, – сказала Пертилопа, стараясь остудить ее воодушевление. – Помнишь, например, когда отец Огхман сломал руку в драке с тобой?

– Но это не идет ни в какое сравнение с той раной, от которой Кэддерли исцелил Тинтагеля, – заверила ее Даника. – По словам Элберета, он придерживал живот мага, в то время как кожа вокруг его пальцев зарубцевалась сама собой.

Пертилопа снова кивнула и погрузилась в молчание, не видя смысла возвращаться к этому снова. Отчет Даники внушал доверие, и Пертилопа подсознательно чувствовала, что девушка не врет. Карие глаза директрисы ненадолго уставились в темноту, а потом снова обратились на Данику.

Молодая воительница сидела тихо и неподвижно, погружившись в раздумья. Пертилопа увидела, как за плечами Да-

ники возникла тень: силуэт хрупкой девушки, дрожащей и нервно озирающейся. Необычайный жар исходил от тела Даники, а ее дыхание, ровное для случайного наблюдателя, свидетельствовало о волнении, заметном для знающего и испытующего взгляда жрицы.

Даника исполнена страсти, смешанной со страхом, поняла директриса. Одна только мысль о Кэддерли вселяла смятение в душу девушки. Пертилопа отогнала навязчивое видение и прервала Песнь, что звучала в закоулках ее сознания, успокаивающе положив руку на плечо Даники.

– Спасибо, что пришла посидеть со мной, – искренне промолвила она. – Ты очень помогла мне. И Кэддерли тоже, можешь в этом не сомневаться.

Даника смутилась. Пертилопа негодовала, что должна лишь с помощью загадок общаться с человеком, столь очевидно связанным с Кэддерли, но она чувствовала, что Даника не поймет, под чьей властью находится молодой волшебник. Эта же Сила долгие годы покровительствовала самой Пертилопе – но в ней самой до сих пор не поселилась уверенность, что она связывается с ней осознанно.

Кровать скрипнула – Даника встала.

– Мне нужно идти, – объяснила она, оглянувшись на маленькую дверь. – Если хотите, я могу вернуться потом.

– Не нужно, – сказала волшебница, одаривая ее теплой улыбкой. – Пока ты не почувствуешь, что стоит кое-что обсудить, – добавила она тут же.

Пертилопа вновь пристально посмотрела на девушку, услышав, как Песнь возобновилась, и позволяет ей выйти на необъяснимый сверхчувственный уровень восприятия.

Дрожащая тень Даники теперь казалась умиротвореннее, дыхание юной воительницы успокоилось. Впрочем, ничуть не уменьшился ее жар – сила предвкушаемой страсти этой уже не девочки, а молодой женщины. Даже когда Даника скрылась, дверная ручка сохраняла тепло ее прикосновения.

Пертилопа начала произносить одно из самых длинных заклятий. Она сняла перчатки, скрывавшие ее руки до локтей, и постаралась вспомнить свои собственные заклинания, родившиеся еще тогда, когда ее призвал Денир. Точнее пленил, как она всю жизнь думала.

Волшебница улыбнулась этой горькой мысли.

– Ну нет, не пленил, – громко сказала она, поднимая взгляд к потолку, словно обращаясь к находившейся там высшей силе. Она заставила Песнь в сознании звучать громче. Вселенская гармония наполняла ее всякий раз, когда она листала страницы Книги, теперь врученной Кэддерли. Пертилопа отдалась Песни и следовала за ее звуками, достигая единства с самым дорогим ей божеством. – Итак, Ты избрал Кэддерли? – прошептала она.

Ответа не последовало, Впрочем, она его и не ожидала.

– С другой стороны, пока он не может осознать все эти видения в эльфийском лесу, – продолжала Пертилопа, озвучивая свои выводы, чтобы разделаться с подозрением. – Я жа-

лею его и до сих пор ему завидую, так как он молод и полон сил. У него их больше, чем когда-либо было у меня. Сколь могущественным он станет?

Вновь, несмотря на продолжающуюся музыку, Пертилопа не получила никакого ответа. Вот почему волшебница чувствовала себя словно попавшей в плен: ей никогда не даруются разгадки. Она всегда должна искать их сама. И она знала, что нечто подобное предстоит Кэддерли.

ВОР-ПОПРОШАЙКА

Кэддерли намеренно избегал встречаться взглядом со стражником, проходя через короткий туннель под крепостной стеной, ведущий за пределы озерного города. Всю дорогу к западным воротам молодой жрец наблюдал людей разного возраста и положения, и множество призрачных образов, витавших на плечах и вокруг них, буквально ошеломило его. Вновь в его мыслях витала Песнь Денира, как будто он подсознательно вызвал ее, – и по-прежнему единственным различимым словом оставалось «аврора». Кэддерли не мог понять, что все это значит; он боялся, что новое озарение сведет его с ума.

Кэррадун – город старый. Когда Кэддерли познакомился с ним, город уже успел накопить усталость от жизни. В дождливое время улицы покрывались грязью, и желтая глина чавкала под ногами. Тротуары заросли, присутственное здание посреди площади покосилось и вросло в землю.

Осень выдалась более жаркая, чем обычно. Псы с темной шерстью страдали: тень нетронутых дубов, росших на площади, не помогала спастись от жары. Тощие волы с выпирающими костями тащили повозки, яростно отгоняя хвостами оводов. Воротники рубашек загрязнялись уже к полудню. Горожанки несколько раз в день купались, но это не помогало: после обеда они напоминали пирожные с толстой глазу-

рю из помады и пыли.

Волшебнику стало легче, когда он оставил шум города позади и пошел по дороге, обсаженной по обеим сторонам деревьями. Ничто не привлекало его внимания, кроме свиста птиц над головой и прыжков белок, занятых заготовкой припасов на зиму.

– Может, для этих существ я злодей? Вот оно как! – резко воскликнул он, напугав ближайшую белку, которая застыла на месте, пытаясь слиться с серым стволом дерева. Неожиданно громкий голос Кэддерли заставил попрыгунчика взобраться повыше, где тот словно примерз к месту, не шевеля даже пушистым хвостом. – Да, так и есть! – вскричал Кэддерли грызунам в притворном гневе. – Как жалки эти бедные одинокие души, так тщательно скрываемые многими из нас. Но они стали пленниками не по своей воле. Они имеют облик, что открывается мне, – и это пугает их, уводя туда, где они могут больше не бояться взгляда другого разумного существа.

При этих словах Кэддерли приблизился к корню дерева, чтобы получше рассмотреть зверька.

– Я не вижу никаких теней, поднимающихся от ваших плеч, господин Серый Хвост, – сказал он. – У вас нет тайных желаний, никаких страстей, кроме как съесть очередной орех.

– До тех пор, пока не появится белочка! – слышался возглас с тропы.

Кэддерли подскочил на месте. Он оглянулся и увидел высокого грязного человека, одетого в засаленные обноски с чужого плеча и ботинки с оторванными носами.

– Госпожа Белочка заставит его забыть об орехах, – продолжал человек с обветренным лицом, с легкостью поднимаясь вверх по тропе.

Кэддерли бессознательно выставил перед собой свой дорожный посох с набалдашником в виде бараньей головы. На дорогах, ведущих к городу, часто встречались мошенники, особенно в это время, когда приближалась зима.

– Но затем... – продолжал человек, задумчиво прижимая палец к губам. Кэддерли заметил, что он носит перчатки с обрезанными пальцами, да еще и разные: одну черную, другую из коричневой кожи, – ...даже в присутствии белочки у этого господина все равно не возникнет тайных желаний. Все равно простодушный зверек станет искать то, что нужно его сердцу. Не важно, будь то зов брюха или зов его чресел. Я на его месте выбрал бы последнее, – сказал оборванец, сладострастно подмигивая.

Кэддерли слегка покраснел и почти рассмеялся вслух, хотя по-прежнему не мог объяснить себе, какие чувства у него вызывает бродяга с хорошо подвешенным языком. Около этого грязнули он все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Жрец подошел поближе, стараясь распознать тени на плечах незнакомца. Но удивление прогнало напев, звучащий в его сознании, и на плечах прохожего не виделось ничего,

кроме заношенных сальных концов старого шерстяного шарфа.

– Хорошо так разгуливать днем, болтая о жизни зверей, – продолжал человек, не слыша никакого ответа со стороны Кэддерли. – Жаль, что мне сейчас предстоит проникнуть в чрево шумного Кэррадуна, в царство запахов гораздо менее приятных, чем здесь. Туда, где высокие здания заслоняют вид на озеро, так легко открывающийся с этой живописнейшей из дорог.

– Таким, как ты, непросто пройти мимо стражников, – заметил Кэддерли, зная, как тщательно городская охрана несет свою службу, особенно с учетом доносящихся раскатов войны.

Бродяга открыл маленький мешочек на веревочном поясе и извлек на свет сверкающую монетку.

– Это взятка? – спросил Кэддерли.

– Плата за вход, – поправил его попрошайка. – Как говорится в старой пословице, трать золото – ну, или серебро, в моем случае – только на золото. Мне придется принять это на веру, хотя я и знаю наверняка, что внутри городских стен меня все же ждет кое-какое золотишко.

Тем временем Кэддерли рассмотрел незнакомца поближе. Тот не имел опознавательных знаков какого-либо сословия, равно как признаков того, что умеет откуда-либо добывать деньги.

– Ты мошенник, – решительно определил волшебник.

– Ни в коем случае, – отрезал человек.

– Попрошайка? – спросил Кэддерли. Слово вылетело с той же очевидной уверенностью.

Широкоплечий мужчина схватился за грудь и отступил на несколько шагов назад, как будто жрец выпустил стрелу в его сердце.

Теперь Кэддерли заметил кое-какие тени. За внешней насмешливостью и игривостью этого человека волшебник разглядел болезненно уязвленное самолюбие. Кроме того, он увидел на одном его плече тени – женщину, держащую на руках маленькую девочку, и мальчика постарше на другом плече. Образы мгновенно пропали, и Кэддерли впервые обратил внимание на то, что на запястье этого человека из-под кромки коричневой перчатки виднеется незаживающая синевато-зеленая язва.

Приступ тошноты почти сбил с ног молодого жреца, он обострил свои чувства и ощутил явственный запах болезни. Тут же Кэддерли понял, как этот образованный тонкий человек докатился до столь низкого состояния. Перед ним стоял прокаженный.

– П-прошу прощения, – пробормотал Кэддерли. – Я не знал...

– А разве только ты? – прорычал незнакомец. – Я не жду вашей жалости, юный служитель Денира, но я с радостью приму скудное вспомоществование.

Молодой жрец крепко ухватил дорожный посох, ошибоч-

но восприняв замечание как угрозу.

– Ты знаешь, о чем я говорю, – сказал попрошайка. – О монетах, которые ты неизбежно бросишь мне вслед, чтобы загладить свою вину.

Кэддерли поморщился в ответ на горькое замечание, но не мог устоять от жалости к этому неглупому, но столь опустившемуся человеку. Хотя эмблема Денира находилась прямо посреди тульи его широкополой шляпы, волшебника удивило, что попрошайка распознал его орден. Станный человек бесстрастно изучал Кэддерли, в то время как жреца охватила целая буря чувств.

– Свинство, – насмешливо сказал прокаженный, к удивлению Кэддерли. – Как ужасно, что человеку вроде меня пришлось докатиться до уличного попрошайки!

Кэддерли, переживая, кусал губы.

– Чтобы валяться в грязи среди жалких уродов, – продолжал человек, выбрасывая вперед одну руку, а другую все еще прижимая к «раненой» груди. Он тихо застыл в таком положении и повернул смущенное лицо к Кэддерли. – Жалкие отродья? – сказал он. – Что ты знаешь о них, надменный Священник! Ты, который так образован! Это благо твоего ордена, разве не так? Образованные люди! – повторил попрошайка с какой-то неприязнью. – То, что извиняет таких, как ты. То, что отделяет вас от других, приподнимает над ними... – При этих словах он с опаской посмотрел на Кэддерли и все же беспощадно закончил: – То, что ослепляет тебя.

– Я не заслуживаю таких слов! – воскликнул Кэддерли.

Человек простер руки над головой и исторг насмешливый, вызывающий выкрик.

– Не заслуживаешь? – переспросил он. – Что же, скажи мне, пожалуйста, о мудрый юный священник, ты пытаешься заслужить тут, прохаживаясь под стенами Кэррадуна?

Кэддерли подумал, что вот-вот взорвется. Он почувствовал, как внутри него вскипает обида, накапливаясь для ответного выплеска. Он вспомнил, что, когда пробуждал деревья Шилмисты для исцеления Тинтагеля, его зияющую рану заживила очень похожая сила. Страница из Книги Всеобщей Гармонии вспыхнула в голове Кэддерли так ясно, будто он держал Книгу перед собою, и он понял причину своего гнева. Он увидел язвы на руке человека, его ноздри заполнил запах болезни, которая так искалечила ни в чем не повинную душу нищего.

– Plela plea, аопппиз, – начал Кэддерли читать заклинание, оказывается, ясно запечатлевшееся у него в памяти.

– Нет! – закричал человек, делая выпад. Кэддерли прервал заклинание и отразил руками удар. Противник оказался неожиданно ловким и прытким, хотя отнюдь не светился здоровьем. Он проворно схватил Кэддерли за одежду и как следует встряхнул волшебника, однако жрец увидел брешь в защите и смог ткнуть его своим посохом. Впрочем, он знал, что испуганный попрошайка не представлял никакой опасности. Юношу не удивило, что прохожий тут же выпустил

его, заставив отойти еще на шаг в сторону.

– Я могу исцелить тебя! – проворчал Кэддерли.

– Да ты что? – усмехнулся мужчина. – А можешь ли ты исцелить тех несчастных? – спросил он, показав пальцем на отдаленный город. – Исцелить их всех? Разве не могут все хвори мира отступить перед юным слугой Денира? Ну, так призови к себе больных и исцели их! – вскричал попрошайка, вертясь и вопя на все четыре стороны. – Выстрой их перед этим... – он потерял слово, и его покрытые грязью губы тихо зашевелились, – этим посланцем Небес! – наконец сказал он.

Ближайшая белка устремилась очертя голову по веткам, нависавшим над тропинкой.

– Я не заслуживаю этого, – снова повторил Кэддерли, на сей раз спокойно.

Его тон оказал умиротворяющее воздействие, так что человек опустил руки, а его плечи заметно ссутулились.

– Да, не заслуживаешь, – согласился больной, – но прими это, я молю тебя. Ведь в мире, полном незаслуженных страданий, твое переживание выглядит весьма незначительным.

Кэддерли старался сморгнуть влагу, неожиданно застлавшую, серые глаза.

– Кто эти несчастные? – спросил он, наконец.

Нищий на мгновение уставился на него с любопытством, затем его губы сложились в первую искреннюю улыбку.

– Джанина, моя жена, – ответил он. – Тоби, мой сын, и Миления, моя маленькая дочь. Никто из них пока не зара-

зился, — пояснил он, отвечая на безмолвный вопрос волшебника. — Я вижу их редко. Только чтобы принести подаяние, которое собираю с виноватых гордецов Кэррадуна. — Нищий усмехнулся, видя, как покраснел Кэддерли. — Прошу прощения, — сказал он, сладко зевнув. — Я тоже иногда слепну, мешая везунчиков и трудяг в одну кучу.

Молодой жрец кивнул в знак согласия с этой неизбежной и вполне простительной виной.

— Как тебя зовут?

— Безымянный, — ответил нищий не размышляя. — Подходящее имечко для такого, как я. Всего лишь один из множества безымянных, прозябающих в ничтожестве за стеной здоровья и благополучия.

— Ты так жалеешь себя? — спросил Кэддерли.

— Всего лишь жду справедливости, — немедленно сказал Безымянный. Кэддерли не стал спорить.

— Я ведь мог исцелить тебя, — снова сказал юный жрец.

— Другие уже пытались. — Безымянный пожал плечами. — Клирики твоего ордена и эти, из ордена Огма. Я пошел в Библиотеку Назиданий, конечно, тотчас же, как только появились первые симптомы.

Упоминание Библиотеки Назиданий заставило лицо Кэддерли потемнеть.

— Я не такой, как другие, — заявил он даже резче, чем ему хотелось бы. Попрошайка улыбнулся.

— Нет, ты не такой, — согласился он.

– Раз так, ты примешь мою помощь? Безымянный перестал улыбаться.

– Я приму ее... во внимание, – мирно ответил он.

Кэддерли безошибочно заметил отблеск надежды в глубоких карих глазах попрошайки и увидел тень, появившуюся над его плечом. Тень самого мужчины, весело подбрасывающего в воздух маленькую девочку (Милению, догадался волшебник) и ловящего ее. Этот образ быстро скрылся из глаз, растворившись в воздухе.

Кэддерли кивнул, осознавая, как этот человек боится обмануться в надеждах. Учитывая весь риск, но не до конца чувствуя его степень, Кэддерли понимал, что как ни хотел бы, не может влезть в шкуру встреченного бродяги. Юный жрец отвязал кошель с пояса.

– Тогда прими это, – сказал он, с силой бросая его больному.

Безымянный поймал и с любопытством посмотрел на волшебника, но не сделал ни одного движения, чтобы вернуть набитый деньгами кошель. Этот подарок, понял Кэддерли, не содержит никаких туманных обещаний – только осязаемую выгоду, и ничего больше.

– Я всего лишь один из городских гордецов, – объяснил Кэддерли, – виноватый, как ты рассудил.

– И это искупит вину? – прищурившись, спросил попрошайка. Молодой жрец не смог сдержать улыбку.

– Вряд ли, – пожал он плечами, поняв, что, если Безымян-

ный решит, будто золото способно послужить искуплением, он швырнет его обратно. – Вряд ли это истинное возмездие. Я даю тебе золото, поскольку ты, Джанина, Тоби и Миления больше заслуживаете его, чем я. Искупление вины здесь ни при чем. Эту вину я стану носить при себе, пока не обрету новые знания.

Кэддерли по-птичьи склонил голову набок, ловя внезапно пришедшую мысль.

– Можешь считать, – сказал он, – мое золото платой за обучение. Если это поможет тебе избавиться от вины за то, что ты облапошил невинное создание вроде меня.

Попрошайка рассмеялся и громко вскрикнул:

– Вправду, юный священник, ты не такой, как твои собратья, которые приветствовали меня у огромных дверей Библиотеки. Их куда больше заботило то, не провалятся ли они в своем исцелении, не опозорятся ли, чем я и последствия моей болезни.

«Вот почему у них ничего не вышло», – подумал Кэддерли, но не стал перебивать.

– Прекрасный день! – продолжал Безымянный. – И я прошу тебя наслаждаться им. – Он схватил мешочек и подбросил в воздух. Трясаясь всем телом в танце удовольствия, он улыбнулся от громкого звона монет.

– Возможно, и мне это тоже удастся. Пусть вонючие улицы Кэррадуна провалятся сегодня на дно Девятого Ада!

Безымянный резко оборвал свой танец и встал неподвиж-

но, испытующе глядя на волшебника. Он медленно рассмотрел свою правую руку, будто впервые видя, как отвратительна его грязная перчатка без пальцев. Кэддерли понял, что этот поступок – своего рода проверка на искренность, и обрадовался, что пройдет ее так легко. Безо всякой мысли о возможных последствиях он пожал руку бродяги.

– Я часто прохожу здесь, – промолвил он тихо. – Имей в виду мое предложение исцелиться.

Попрошайка, слишком тронутый, чтобы ответить словами, искренне кивнул в ответ. Он повернулся и живо направился прочь. Его хромота стала более заметной – тем более что он и не делал попыток ее скрывать. Кэддерли несколько мгновений наблюдал за ним, затем повернулся и продолжил свой путь прочь от города. Он улыбался, слыша, как перекикиваются на ветвях белки, но не поднимал голову, чтобы взглянуть на них.

Молодому жрецу казалось, что день стал одновременно темнее и светлее, чем раньше.

Безымянный рассмеялся, глядя, как белка почти потеряла равновесие на маленькой ветке, но, уцепившись за нее лапками, восстановила его в следующую секунду. Попрошайка подумал, что это простое движение может служить знаком только что произошедшего с ним благодаря встрече с любопытным волшебником. Эта мысль подняла настроение прокаженному – возможно, впервые за долгое-долгое время.

Впрочем, он не стал развивать ее, почти не надеясь, что

когда-нибудь еще встретит кого-то, подобного этому занимательному юноше. Нет, ему придется и дальше мыкаться так же, как весь последний год, побираясь целый день напролет, чтобы его жена и дети не померли с голоду. Сейчас же у него есть, по крайней мере, временная передышка. Он подкинул мешочек в воздух, осторожно поймал его и улыбнулся опять. День и вправду удался!

Безымянный повернул назад, готовый одарить Джанину и детей долгим визитом, но его улыбка тут же примерзла к лицу.

– Прошу прощения за беспокойство, дорогой друг, – сказал щуплый человек, еле-еле приоткрывая тяжелые набухшие веки, за которыми прятались маленькие колючие глазки.

Безымянный бессознательно убрал с глаз долой мешочек, набитый монетами, и выставил вперед руки.

– Я прокаженный, – проворчал он, используя свое заболевание как угрозу.

Маленький человек улыбнулся и издал дребезжащий смешок, больше похожий на кашель.

– Думаешь, я мошенник? – спросил он, вытянув вперед руки ладонями вверх.

Безымянный удивился его занятым перчаткам: одной белой, а другой черной.

– Как видишь, я безоружен, – заверил маленький человек.

– По крайней мере, на вид, – признал Безымянный.

– Я смотрю, мы оба носим разные перчатки, – подметил Призрак. – Впадаем в детство?

Руки Безымянного скользнули вниз, под полы его плохо сидевшей одежды. Он почувствовал смущение, которому не знал причины. «Впадаем в детство? – подумал он. – Вряд ли». Шикарные перчатки, которые носил щуплый, стоили больше, чем Безымянный заработал за много месяцев, включая сегодняшний щедрый дар жреца.

– Разве мы не ребячимся? – настаивал Призрак, заметив охлаждение собеседника.

– Так ты попрошайка? – осмелился спросить Безымянный. – До Кэррадуна примерно миля вниз по тропе. Я сам шел туда. Вдвоем всегда веселее.

– Но юный священник заставил тебя передумать? – спросил странник. – Расскажи мне про него.

Безымянный пожал плечами и слегка качнул головой, с трудом осознавая, что делает. Призрак увидел его замешательство, и смущение попрошайки многое сказало щуплому.

– Ах да, – кивнул Призрак, по-прежнему не пряча ладони, – ты ведь не знаешь молодого жреца.

– А ты?

– Конечно, – ответил Призрак, указывая на кошелек, который Безымянный старался скрыть. – Каждому из нас следует знать такого щедрого человека, как этот Кэддерли.

– Значит, ты попрошайка? – определил Безымянный, немного расслабившись.

Между нищими и бродягами существовало своего рода братство, неписаное родство.

– Возможно, – заговорщически отвечал Призрак. – За свою жизнь я побывал много кем, но теперь я нищий. – Он изобразил еще одну кривую улыбку. – Или скоро им стану, – поправился он.

Безымянный видел, как щуплый достал какой-то сверток и развернул его.

– Зеркало? – пробормотал попрошайка и тут же замолк: серебряное устройство затащило его внутрь, поймав отражение.

Безымянный почувствовал, как кто-то бесцеремонно вторгается в его мысли. Он старался освободиться, но не мог, удерживаемый странным заклятием, и не видел ничего, кроме своего образа, двигаясь по черному туннелю, как будто его переместили в другое место где-то за пределами этого мира. Безымянный отчаянно оглядывался по сторонам, пытаясь понять, где находится.

Он видел только свой образ. Раздался щелчок, за которым последовало движение, или бродяге так показалось: ведь его тело не пошевелило и пальцем. Затем, как вспышка, его ужалила короткая острая боль. Его дух отделился от тела и беспомощно поплыл навстречу поджидавшей его изнеженной оболочке.

Боль пришла снова. Безымянный заморгал, сопротивляясь тяжести своих новых век. Он снова видел только образ

попрошайки, одетый в разного цвета перчатки – черную и белую. Его смущение продолжалось до тех пор, пока он не осознал, что это не отражение в зеркале, а собственное его тело.

– Что ты сделал со мной? – вскричал нищий страннику, забравшемуся в его туловище. Каждое движение давалось с трудом; маленьким ручкам не хватало силы, чтобы выплеснуть ярость.

Призрак соединил пальцы, и разного цвета перчатки исчезли, оставив его новые руки полуоткрытыми в лишенных пальцев перчатках бродяги. Чего-то опасаясь, он все же кинулся к щуплому телу. Оно не раз доказало Призраку свою полезность – жалкая и не представляющая угрозы оболочка, которую мог победить и маленький мальчик. Отработанным жестом он бросился на трепещущее создание и сомкнул руки на цыплячьей шее.

Безымянный отчаянно боролся; никогда еще немощное тело Призрака так не сопротивлялось. Но тонкие руки не имели сил, способных отразить мощную атаку. Вскоре он перестал дергаться, и злодей понял, что душа прокаженного присоединилась к сонмищу других, отправленных им ранее в царство теней.

Щуплый увлеченно завершил обмен телами, считая любопытным и даже забавным, что некто столь явственно жалкий, как этот прокаженный бродяга, пытается оттянуть свой уход из жизни. Впрочем, Призрак не испытывал никакой жа-

лости. Он убивал свое тело, возможно, уже сотни раз, похожим образом поступив и с предыдущей оболочкой, и с той, что он носил еще раньше.

Бродяга рухнул на землю. Призрак немедленно спрятал магическое приспособление и призвал своих покровителей проследить, чтобы дух прокаженного и вправду вышел из убитого тела. После этого злодей быстро снял черную перчатку и надел ее на незанятое щуплое тело. Он закрыл глаза, преодолевая боль: этот простой поступок вселял часть его души обратно в бездыханного мертвеца.

Так он поступал по двум причинам. Тело потом исцелится (для этого у Призрака имелся могучий талисман, спрятанный в ботинке), и, если оставить его пустым, душа попросайки может вселиться туда опять. С другой стороны, если Призрак позволит оболочке совсем умереть и только потом талисман в ботинке вызовет душу наружу, восстанавливающие силы просто порвут слабое тело на части. С учетом того, сколько раз Призрак устраивал этот обмен, талисман давным-давно мог разорвать щуплую оболочку.

Но этого не случится. Призрак знал, как правильно использовать Геаруфу, приспособление из перчаток и зеркала. Жизнь давным-давно научила его, и он уже третье воплощение подряд осуществлял эти манипуляции, доведенное до совершенства.

Призрак посмотрел в обе стороны на пустую дорогу. Затем оттащил щуплое тело подальше от тропы, запрятав его в

кустах. Он чувствовал, что его новая оболочка поражена болезнью. Это стало неприятным открытием, но Призрак знал заранее, что не останется под этой маской слишком долго. Она нужна ему ровно на то время, какое потребуется, чтобы свести счеты с Кэддерли.

Он прыгнул обратно к дороге и осмотрелся, думая, сколько прохожих еще увидит, пока мимо не пройдет молодой волшебник, возвращающийся назад.

После того как обманщик в теле нищего скрылся, дух Безымянного долго стоял перед тщедушным туловищем, беспомощный и смущенный. Если бы Кэддерли, вооруженный своим новым зрением, увидел теперь этот дух, он заметил бы и тени Джанины, Тоби и Милении, рассыпавшиеся во все стороны, подобно тени надежды, которую попрошайка никогда не осмеливался питать.

ЛАБИРИНТ

Кэддерли осторожно приблизился к утоптанной круглой площадке перед башней Белизариуса, не ожидая, что этот маг, даже вооружившись всем своим знанием, сможет открыть ему в подробностях тайны случившихся с ним событий. Вообще-то Кэддерли и не ожидал, что маг удостоит его личной встречи. Несколько раз он оказывал Белизариусу важные услуги по переписыванию кое-каких книг, но не мог по-настоящему назвать кудесника своим другом. Более того, Кэддерли даже не имел уверенности, что Белизариус окажется дома.

Молодой жрец немного расслабился, когда на ничем не примечательной траве появилась, словно возникнув из воздуха, мощенная камнем дорожка с обозначенными на ней следами. Судя по всему, маг находился дома и приветствовал Кэддерли.

Семьдесят пять шагов привели молодого жреца на вершину холма и вывели на булыжную дорожку, окружавшую башню. Ему пришлось дойти едва ли не до середины, так как сегодня Белизариусу почему-то захотелось зазвать его высоко наверх. Проход внутрь никогда не появлялся на том же месте, что и в прошлый раз, так что Кэддерли недоумевал – то ли маг каждый раз создает его заново, то ли разворачивает вокруг башни травяной коврик. А может, просто обманыва-

ет своих гостей относительно подлинного местонахождения входа. Молодой волшебник подумал, что последняя возможность – обман – наиболее вероятна: ведь Белизариус чаще всего использовал свои чары именно для создания миражей.

Железная дверь башни с лязгом открылась, стоило юноше приблизиться к ней. Возможно, подумал Кэддерли, она открыта всегда и закрывается только с приближением непрошенных гостей. Он помедлил, пока вступал на порог, так как вскоре раздался звук скрежещущего камня и целый кусок стены при входе поднялся и сдвинулся, закрывая путнику выход назад и открыв затянутую паутиной лестницу, ведущую вниз, во мрак.

Кэддерли задумчиво поскреб заросший подбородок. Его серые глаза вспыхнули любопытством от неожиданного приглашения. Он хорошо помнил те дни, когда приходил на башню вместе со жрецом-наставником Эйвери. Каждый раз изобретательный маг заставлял их пройти новое испытание, снова и снова проверяя их. Кэддерли обрадовался этой неистощимой хитрости – тому, что Белизариус и на сей раз преподносит ему нечто новое, способное отвлечь молодого человека от тревожных вопросов, поднятых попрошайкой.

– Это новая дорога и новый трюк, – возвестил Кэддерли, поздравляя мага, который, без сомнения, его слышал.

Пытливый молодой жрец быстро вытащил факел из настенного крепления и направился вниз. Спустившись на двадцать ступенек по винтовой лестнице, он вышел в низкий ко-

ридор, упирающийся в толстую деревянную дверь. Кэддерли долго и тщательно изучал ее, затем медленно положил руку на доски, осязая их толщину. Удовлетворенный их всамделишностью, он открыл дверь и продолжал путь, найдя за ней новую лестницу, ведущую вниз.

Следующий уровень оказался более запутанным. Лестница завершилась развилкой, от которой отходило три каменных коридора, ничем не отличающихся друг от друга. Кэддерли направился в средний, затем передумал и выбрал левый, пройдя через другую дверь, затем миновав еще одну. Вновь он вышел к развилке, на сей раз еще более сложной, где каждый из коридоров делился в свою очередь на множество узких проходов, ведущих вправо и влево. Кэддерли почти рассмеялся вслух и тихо поздравил умного мага. Беспомощно пожав плечами, он позволил своему дорожному посоху упасть на пол, затем продолжил путь, указанный бараньей головой, служившей набалдашником. Каждое выбранное направление казалось столь же заманчивым, что и соседнее, пока юный жрец двигался дальше, налево, а затем снова и снова направо и наконец прямо. Три новых двери остались открытыми позади него, еще один проход, ведущий куда-то вниз, опасно разверзся, чуть ли не под ногами.

– Отлично! – воскликнул Кэддерли, когда обошел острый угол и обнаружил себя там же, откуда начал свой путь, – на краю второй лестницы. Его факел уже догорал, но заинтересованный юноша шел все дальше и дальше, сознательно вы-

бирая не те проходы, которыми пользовался прежде.

Факел сгорел окончательно, погрузив Кэддерли в беспросветную темноту. Жрец тихо прикрыл глаза и попытался восстановить в памяти страницу из Книги Всеобщей Гармонии. Он услышал несколько нот из бесконечной Песни Денира и пробормотал подходящее заклинание, указывая на конец потухшего факела. Молодой человек заморгал, защищаясь от вспышки ослепительного волшебного огня. Когда его глаза наконец-то привыкли, он продолжил путь, огибая углы один за другим.

Какой-то скрежет и пыхтение заставили его остановиться. Это не крыса, понял Кэддерли: животное (если это животное), производящее звуки, гораздо больше размерами.

В мыслях Кэддерли появился образ барана. Он вспомнил день, когда еще совсем ребенком проходил с наставником через отару овец на пастбище. Молодой маг не мог сдержать улыбку, когда воскресил образ дородного Эйвери, отдувающегося и пыхтящего после хорошего полета, в который его отправил разъяренный баран.

Пыхтение раздалось снова. Кэддерли хотел вначале зажечь дополнительный магический свет, но тут же раздумал, представив себе передраги, которые навлечет на себя этим поступком. Жрец прокрался за следующий угол, снял широкополую шляпу и осторожно огляделся.

Пыхтящий напоминал человека, но таковым не являлся. Ростом семь футов, широкоплечий, широкогрудый и неве-

роятно сильный. Его голова (а совсем не маска, как понял вдруг Кэддерли) напоминала морду быка. Одетое только в волчью шкуру создание не имело оружия, что, впрочем, не делало его менее опасным для почти безоружного молодого жреца.

Минотавр! Сердце Кэддерли чуть не выпрыгнуло из груди. Вдруг он начал сомневаться, что эта подземная дорога – дело рук Белизариуса. Молодому волшебнику пришло в голову, что нечто пагубное произошло с этим воистину гениальным магом: какая-то злая сила подчинила себе средства защиты башни. Мгновением позже он потерял эту мысль, едва не задохнувшись. Великан с головой быка уперся одной ногой в стену и сделал выпад, поддев Кэддерли на рога и отбросив его далеко в коридор. Жрец рассадил плечо до крови, задев им о камень, а факел выпал из рук, хотя магический свет, конечно же, не стал меньше.

Минотавр издал торжествующий рык и ринулся в новую атаку. Кэддерли поднял свой дорожный посох, пытаясь таким образом защититься, хотя и не думая, что в этом Девятом Аду слабое оружие сможет остановить устрашающего зверя. Минотавр тем более так не думал, несясь прямо навстречу преграде. Кэддерли держал посох изо всех сил, но обвитая кожей палка разлетелась в щепки, встретившись с твердокаменной грудью чудовища.

Минотавр ударил копытом, а затем угрожающе нагнул рогатую голову, прижав Кэддерли к камням. Молодой человек

высвободил одну руку и ударил зверя, не причинив ему какого-либо видимого вреда. Зверь надавил посильнее, и волшебник почувствовал, что не может даже вздохнуть. Его мысли о том, сколько еще удастся прожить, внезапно оборвались, когда минотавр открыл огромную пасть, обнажив длинный ряд зубов, и потянулся к беззащитной шее Кэддерли. Тут молодой жрец различил тени, колышущиеся вокруг чудовища. Затем взглянул на пол и увидел, что посох цел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.